

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10 Června 1932.

Volné Kozáctvo

Ročník V.

10-го июня 1932 г.

106

10-го червня 1932 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый

РІК ВИДАННЯ 5-ий

Ж. Тинтон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Борис Кундрюцков: Войсковой старшина Голубов. (Podplukovník Holubov).
2. К нашим соседям. (Naším sousedům).
3. А. Трофимов: Страна казаков. (Země kozáků).
4. Чужинец: Французское казачофильство эпохи Отечественной войны. (Francouzské kozáko-filstvo za války Napoleonské).
5. А. Ленивов: К истории образования Калмыцкого казачьего Войска. (Historická poznámka o vzniku Kalmyckého kozáckého Vojska).
6. Еще о кубанском гербе. (Dodatek o Kubáňském erbů).
7. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
8. А. Е. Пивень. (A. Piveň).
9. Ф. К. Воропинов. (F. Voropinov).
10. Пресса. (Pressa).
11. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
12. В Казакии. (V Kozákii).
13. По белу свету. (Po célem světě).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Париж. — П. Ф. — Получено. Хорошо. Привет.
Бухарест. — В. Ш. — Будет напечатано. Привет.
Вальево. — А. П. — Послано. Привет.
Бразилия. — С. С. — Одержали. Вітаємо.
Франция. — И. К. — Послано. Привет.
Белград. — Б. К. — Все получено. Привет.
Франция. — Неизвестному автору. —
Псевдонимов, по возможности, избегаем. Неподписанных статей или статей от неизвестных авторов не принимаем к печати вообще.

Бельгия. — Н. Б. — Исполнено. Привет.
Бухарест. — Я. Д. — Будет напечатано. Привет.
Париж. — *** — Будет напечатано. Привет.
Болгария. — И. Т. — Получено. Привет.
Галац. — Е. Е. — Будет или не будет напечатана рукопись, можно сказать только по ее прочтении. Можем вернуть в случае, если не будет принята к печати. Гонорара не платим.
Скопье. — Я. К. — Получено. Привет.
Болгария. — А. Л. — Получено. Привет.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.
В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-our Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-our Margouchine.
Bukarest V.
А. К. Бабков. M-our Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Wilno.
А. Кирьянов. Августов.
Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.
Т. Л. Ляхов. София.

В О ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленивов. M-our Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-our Khoroujenko; Lyon-Vaise.
И. В. Чуприна. M-our I. Tchouprina. Cenon (Gironde).
И. Т. Курило. M-our Kourilo, Bourg des Maisons.
С. К. Поляков. M-our S. Poliakoff, Rombas.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

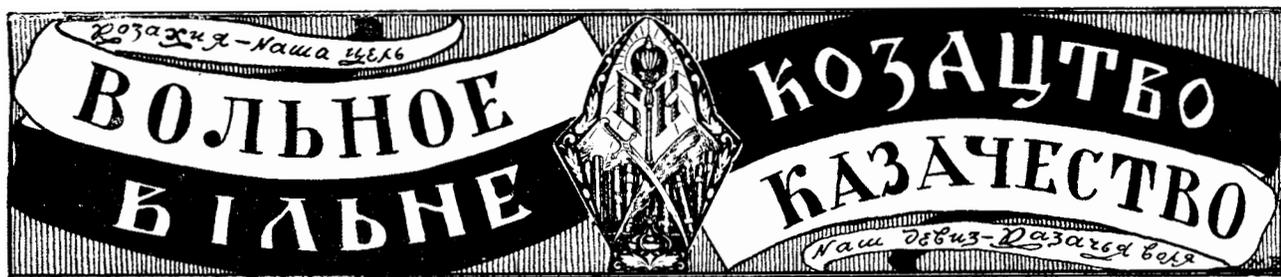
А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 106

Пятница, 10 июня, 1932 — Пятница, 10 червня, 1932.

№ 106

Борис Кундрюцков. (Белград).

Войсковой старшина Голубов.

Пьеса в трех действиях.

Действующие лица:

А. М. Каледин,
М. П. Богаевский,
Волошинов,
Голубов,
Голубова Эмилия Матвеевна — его сестра,
Ленин,
Брусилов,
Ворошилов,
Буденный,
Студ. Пухляков,
Казак, красноармеец, женщины и т. д.

Действие первое.

Комната в Кремле. За столом сидит Ленин. За стеной медленно бьет двенадцать часов. Порывисто входит дежурный комиссар с депешей.

Комиссар:

Два поезда опять промчались
Через границу казаков...
Вот донесение: пробрались
Сто офицеров, пять попов
И... генерала пропустили...

Ленин:

Так, так... Еще бежал от нас
Превосходительство... А были
Все в Быхове... Который час?

Комиссар:

Двенадцать било уж на башне,
В Кремле все спит...

Ленин:

. Все спит. Иди.

(Один)

От генералов нам не страшно —
Всех ждет их стенка впереди,
Иль заграничное скитанье
И эмиграция... И мы
Когда то эти испытанья
И муки горшие прошли...
Вот вещь иная беспокоит —
Казачество, сей исполин...
Ужель коммуне яму роет
Казак надменный Каледин!..
Его избрали атаманом,
Страной отдельно живут...
Но пусть у них лишь черным станом
Дворяне станут: всем — капут.

Народ рабочий мне покорен
Я брошу лозунг в массу сам:
Помещиков бей, будь упорен,
Бей генералов, а попам —
Штык острый в спину... Изуиты...
(Звонит)

Комиссар:

Ленин:

Что, двери внешние закрыты?

Комиссар:

Закрыты...

Ленин:

Стража?

Комиссар:

По местам...

Ленин:

Позвать Брусилова... Идите.

Брусилов:

Спешу на зов на всех парах.
Его Величество, не спите.
Дела ли спешные решали,
Иль новый заговор раскрыт?
Я слышал с улицы стреляли...
Иль просто сон от вас бежит
И дум печальных вереницы
Вас беспокоят... Но, о чем?
Вы знаете, что две столицы
Покорны вам и что в своем
Рабочий крепко убежден:
С винтовкой в битве, у станка
Он тот же все, в немом гореньи
И молот грубая рука
Сжимает как и меч тяжелый,
Он ваши мысли повторяет,
В упорстве равен с Совнарполлой.
Иль вас иное угнетает,
Вас, чей лишь знак, бровей дрожанье
И мановение руки
Достаточно, чтоб трепетанье
И ужас вызвать... А полки
Швырнуть в средину страшной сечи!
Иль вы не спите потому,
Что давит власть, упав на плечи,
И душно в этом терему?..

Ленин:

Садись... довольно этой лести.
Еще один бежал на Дон...

Брусилов:

Да, пустяки... Пусть будет двести.

- Лишь Ленина бы не смутился сон.
Я — опытный в военном деле,
Герой германской я войны,
В боях виски мои седели,
И раны старые видны...
Я армию создам. Войною
Пойду на них и потоплю
В Азовском море...
- Ленин :
. Одною
Я терзаюсь мыслью и не сплю:
Как казаки?
- Брусиллов :
. Погибнут с ними.
Не умным, право, надо быть,
Или ребятами большими,
Чтобы буржуев приютить...
Вот — Латвия...
- Ленин :
. Оставь... Довольно.
Мы потеряли целый Край —
Мне слышать это, веришь, больно.
- Брусиллов :
Что-ж, миновал их светлый рай
Социализма...
- Ленин :
. Брось лукавить,
Старик... Поможешь — орден дам.
Ты должен армию наладить
Намылить пятки господам.
Казачий уголь, хлеб и землю
Нам надо вот как!..
- Брусиллов :
. Позарез...
Приказу, как всегда, я внемлю
И на коня уже я влез...
И саблей старой вооруженный,
Веду полки...
- Ленин :
. Лихой старик...
(Звонит)
- Комиссар :
.
- Ленин :
Где Ворошилов и Буденный?
Буди пусть всанут сей же миг.
.
Вот два товарища для боя.
Ты с ними должен победить.
Их будут сотни вас же — трое,
Но вас народ мой отстоит.
И казаков он ненавидит,
Сих непонятных нам людей...
Им хуже, чем Петрово, выйдет
Побоище... Ах ты, злодей...
Ты — Атаманом стал Казачьим...
Избранником... Казачий Круг...
В брильянтах булава... Побачим!
- Буденный :
Зачем ты звал, Ильич?
- Ленин :
. Мой друг,
Предлог прекрасный подыскался
Осиное гнездо все сжечь:
Деникин к казакам пробрался.
- Ворошилов :
Но... иностранцы...
- Буденный :
. Не перечь,
Я сам донской иногородний,
Народ казачий знаю — дрянь.
Бродил босой я и голодный
И бросил их, уйдя в Рязань...
Они на русских не похожи,
На наших славных мужиков,
Ни речью, духом и ни рожей...
- Брусиллов :
От наших сгинут пусть штыков...
Ворошилов :
Нужна здесь все ж предосторожность.
- Буденный :
Чего валандаться!...
- Ленин :
. Постой,
Я знаю, есть к тому возможность,
Своей ручаюсь головой:
Мы все казачьими руками
Обстригаем... и...
- Брусиллов :
. никаких!
Ведь это Ленин перед вами,
А много ль гениев таких?
Давайте ка совет составим.
- Ленин :
Садитесь ближе. Дело в том:
Мы — с фронта казаков натравим,
Они послужат нам козлом...
Вы знаете, они не любят
Российских бар. Найдем вожда —
И сами пусть себя погубят.
- Буденный :
Мне не понятна мысль твоя.
- Ленин :
Казак тиранов ненавидит,
А Каледин их всех пригрел
И скоро Атаман увидит
Свой горький, грозный свой удел.
Без казаков один — не воин,
Поняли?...
- Ворошилов :
. Будь, Ильич, спокоен.
Шпионы наши донесли
Что... Голубов сидит в темнице,
Что Голубов...
- Ленин :
. Вы не спасли?
- Ворошилов :
И незачем... Они пусть сами
Его на волю пустят...
- Буденный :
. Ну...
- Ворошилов :
Ты говорил, что с казаками
Жил много лет ты на Дону,
А сам не знаешь, как за брата
Стоит там брат. Его спасут
И от петли и от булавы...
- Брусиллов :
И... Вольнице аминь споют.
- Ленин :
Возьмите денег — не жалейте,
Матросов, латышей, крестьян,
И мне движение развейте.
Сейчас, прошу, вина стакан...
Токайское...
Ворошилов :
. И как искрится!
- Брусиллов :
Кремлевский погреб узнаю.
Пила его наша царица...
- Ленин :
(Звонит)
- Комиссар :
.
- Ленин :
Гитару принеси свою.
(Ко всем)
- Буденный :
Послушайте ка песню нашу.
Я за казачью выпью кашу,
За Дона Тихого конец...
(Занавес).

Второе действие.

Сцена изображает вестибюль. Прямо дверь с надписью: Зала Заседаний Войскового Круга. Дверь налево, и дверь направо.

Немая картина:

Из залы выходит с поникшей головой Каледин и уходит в дверь налево. Слышен выстрел. Вбегают Волошинов и Митрофан Богаевский...

Волошинов:

Я слышал выстрел... Неужели?...
(Скрывается налево)

Богаевский:

Не обмануло чувство... Нет...
Его ресницы трепетали
И гас в глазах печальных свет...
(На авансцене)

Опять... Опять мне это — знак.
Да, партии наш Край погубят.
* Российский яд. Беги, казак,
Беги от них, иль поздно будет
И ты у лидеров своих
Тогда партийных не спасешься,
Работ людей станешь чужих
И к вольной жизни не вернешься.
Казачий облик потеряешь
И Атамана своего предашь,
Как этого...

Волошинов (входит, рыдая):

Богаевский:

... А ты... рыдаешь...
Плачь, плачь... Ты многое отдашь
За Дон... За наше Имя... Знаю.
Но наши жизни ли спасут
Казачество?... Кому помогут?...
(Быстро входят несколько казаков)

Казаки:

Бежим! Враги сюда идут.

Волошинов:

Врагами братья быть не могут.
Где Голубов? Иду к нему, —
Не верю я, свой не предатель...

Богаевский:

Друг, поздно... К своему
Он замыслу так близок.

Волошинов:

... О, Создатель!
Средь казаков настала рознь и склока,
Кто, среди нас, посеявши вражду,
Пожнет плоды!...

Богаевский:

... Узнаешь. Недалеко
То время тяжкое...

Волошинов:

... Иду.

(Входит сестра Голубова с шашкой в руках. Оглядывается по сторонам).

Эмилия:

Здесь Голубов... Давно хранила
Я шашку острую отца.
Кого бы здесь о нем спросила?
Казак сказал мне у дворца,
Что он на Круг прошел.
Мне надо ему святое передать
Оружие...

Богаевский:

... Час не пришел.
И Атамана нам избрать
Круг казака другого может...

Эмилия:

Как, Голубов не атаман?...
Сейчас на площади ему кричали ура
И весь майдан, как муравейник...

Богаевский:

... Кто вы?...

Эмилия:

Вы не узнали? —

Эмилия:

Так где ж мой брат?

(Богаевский, молча уходит. Она идет за ним.)

Эмилия:

Постойте! Что случилось?...
Ушел... Иль правду говорят,
Что знать донская отделилась?...

(Вводят связанного Волошинова, за ним идет Голубов. Волошинов по направлению к двери, за которой застрелился Каледин).

Волошинов:

О, Каледин... Я, твой сподвижник,
В оковах крепких, как злодей.
Я, в ком... Мой Атаман подвижник,
О, до каких я дожил дней!...
Твой труп лежит, а вот другого,
Назарова, позорит он...

Голубов:

... Молчать! Иного
Не заслужили вы. И Дон
Оценит, кто его призванник,
Кто от цепей страну спасет
И, кто истории избранник,
Свободный булаву возьмет.
Вы степь тянули русским в сети
Дворянам...

Волошинов:

... Знаю, знаю все...
Смотри, и ты не чист и эти
Твои поступки все...

Голубов:

... Смешно...
Ужель казак боится черни —
Мы с нею справимся, поверь,
Из куреня укажем дверь...

Волошинов:

Толкуй, предатель изуверный,
Ты в худшее свой Край толкнешь
И, смерти не страшась позорной,
Скажу: ты Воли не спасешь
Своей политикою вздорной...
Того, нечестно кто стал жить,
Судьба карает неизменно...

Голубов:

Довольно, старина, корить...

Волошинов:

Корить! За что? — что дерзновенно
Ты оскорбил Казачий Круг,
Парламент, Войско, Атамана! —
Нет, здесь упреков мало, друг,
Здесь — казнь жестокая и рано
Иль поздно дашь ты всем ответ.
Любой казак тебя застрелит,
Как пса... Тебе прощенья нет
И милости к своим поступкам
Не вымолишь у Бога ты,
Народа воля непреклонна
И силой ты не победишь
Степного старого закона.

Голубов:

Вещай, вещай. Не убедишь
Ты ни меня и ни те массы,
Что ринулись со мною в бой...
На них на всех были лампы,
Казачество я вел...

Волошинов:

... Постой!
А сзади?... Сзади кто пугливо
За вашей прятался спиной?...
Чего ж ты смотришь молчаливо?
Вооруженною рукой
Разили вы своих же братьев
По замыслу тех палачей,
Что Кремль...

Голубов:

Проклятье!...
Не правда... Голубов ничей...
Работ босаяцким он не будет!

Волошинов:

Он — стал... Не даром умирали
На поле брани...

Голубов :

Будет...
В тюрьму его, чего ж вы стали!...
(Волошинова толкают в спину и уводят. Голубов нервно ходит, не замечая сестры.)

Голубов :

Безумный, выживший колдун...
Очистил Дон я от напасти:
Всех бар прогнал, все в моей власти,
Все — плод моих заветных дум.
А красные — лишь средство. Знаю,
Опасную веду игру,
Но от мечты не отступаю
Пусть даже в муках я умру.
Но...

Эмилия :

Мой брат. Я слышу укоризны —
На правильном ли ты пути?...

Голубов :

К свободе я веду отчизну.
Молчи, Эмилия... Молчи...
Я верю, что звезда, что слава
Так засияет, что слепой
Увидит свет. А слов отравя,
Что слышала, нас не убьет.
Но как ты здесь?...

Эмилия :

. Тебя искала,
Когда на север ты бежал,
Оставил шашку. Я достала
И принесла...

Голубов :

. Я так и знал.
Меня сестренка не забудет.
Из рук казачки я прийму
Кривую шашку... И — так будет —
Донского Войска булаву.
Вот...

(Поднимает оружие и обнажает, любуясь. За сценой хор поет :

А вот и шашка родовая
С ней бился я и бился дед.)
. Дед и прадед.

Шашка эта
Сжималась в бешеном бою
Из рода в род... Мечта поэта —
Он лиру для тебя свою
Настраивал, слагая дивный
Непревзойденный старый сказ.

(Хор поет чуть громче.)

И в песнях наших заунывных
Я слышал о тебе не раз,
Святая сталь... Сестра, спасибо —
Ты силу новую дала,
Ты знаешь? Нет... Не буду. Либо
Я — прав...

Эмилия :

. Спросить ли я могла?

Голубов :

О чем?

Эмилия :

. Что с ними сделают?...

Голубов :

Казнят...

Эмилия :

Ах!...

(Входят возбужденные Голубовцы с красными лентами на папах).

Голубовцы :

Переискали целый дом —
Вы здесь...

Голубов :

. В чем дело?

Голубовцы :

Город взят
И русские на юг бежали.

Голубов :

. А Калединовцы?

Голубовцы :

В степях,
Все в Сальский округ ускакали.
Петр Харитонович Попов
И Гнилорыбов с ними, Янов...

Голубов :

Бежали от моих полков,
Бежали по следам тиранов...

Голубовцы :

(Грубо наступая на него).

Матросы красные, врываясь
В станицы, грабят, водку пьют
И, над святыней потешаясь,
Иконы, церкви, ризы жгут...
Насилуют казачек...

Голубов :

(Хватаясь за голову).

. Что вы!
С ума сошли?... Все — на коней!

(Выбегает).

Эмилия :

Как?... Рушат кровы?...
Насилуют?...

(Под ноги ей неожиданно падает вошедшая казачка в разорванном платье).

Казачка :

. Скорее... к ней...
Спасите... Сына там уведят...
Ах, сына... Сына на расстрел!
Проклятые, как волки, бродят.
Как волки... Кто же, кто-же смел
Отдать нас всех на поруганье,
На муки страшные в полон,
На смерть... На тяжкое страданье...
Кто смел?... Кто смел?... Да, кто же он?..
Я этими, я этими руками...

Эмилия :

. Иду я с вами...
Не может быть...
Не может быть...

(Занавес).

Третье действие.

(Сцена представляет Заплавскую станицу. Виден кусок ограды церковной и курень на первом плане слева. Из него выходит Голубов. Он угрюм, озирается по сторонам, как затравленный зверь. Движения ненормального. Говорит, приближаясь на авансцену. Сперва тихо, потом все громче и громче).

Голубов :

Шесть месяцев прошло. И что же —
Добился ль я, чего хотел? —
Нет. Край поруган мой. О, Боже!
Ты прав, Волошинов. Прозрел
И я... И мне открылись очи:
Я пешкой был в чужих руках.
И казакам так жить нет мочи,
Ходить в оковах и цепях.
Терзают Дон злодеи, грабят,
А я бессилен. Кто бы знал,
Что наш народ они возглавят!..
И я им в этом помогал...
Где, Голубов, пернач и знаки,
Где булава?... Стремясь к ним
Чрез балки, через буераки,
С отрядом ты своим лихим
Пришел в Черкасск. Как странно. Мнилось,
У цели я... Казачий Круг,
Послушный, встал... Иль все приснилось,
Как дым рассеялся вдруг?...
Чужие люди, будто галки,
Как вороны слетевшись, крик
Подняли... В свалке
Увидел я грозный штук.
Матрос, в дворце усевшись важно,
На службу взял меня...

Меня... Подумать только!... Страшно...
 Страшно...
 На волю...
 В степи...
 На коня!...
 Шакалом рыскать средь курганов,
 В снегах зарывшись, лежать
 И завыванию буранов
 В мятель холодную внимать...
 С волками жить, своим дыханьем
 В норе ладони согреть...
 И не страдать воспоминаньем...
 Воспоминанием не страдать.
 И чутким ухом шаг далекий,
 Насторожившись, ловить...
 И вечно быть там одиноким,
 И жить... и будто бы не жить...
 Бежать... Уйти... Но, как же славный
 Наш Край Казачий так отдать?
 Принять конец судьбы бесславной,
 Признать их власть — не растоптать,
 Предательство — не заклеить, измену
 Возмездием не покарать,
 И дружбы лживой перемену
 Оружием не наказать?
 Не поздно...
 В бой...
 Гуди в набат!..
 Станичники!..
 (Кричит).
 Станичники!..
 (Из-за угла выходит казак).
 Казак:
 Что надо?..
 Голубов:
 Бей в колокол. Сзывай-ка, брат,
 Казачество в ограду...
 (Сам взбирается на помост).
 (Звучит колокол и понемногу сцена наполняется каза-
 ками. Слышен недовольный ропот).
 Голубов:
 Станичники! меня простите,
 Я искупить свой грех готов
 И призываю — помогите
 Мне сбросить гнет наших оков.
 Казаки:
 Не верим... Лжешь... Ты обещался
 Свободу Дону раньше дать...
 До булавы ты добирался...
 Изменник Голубов...
 Голубов:
 Сказать
 Вы дайте слово в оправданье.
 Казаки:
 Каледина ты мог предать,
 Страну свою на поруганье...
 Голубов:
 Я верил красным комиссарам.
 Казаки:
 Не верим им...
 Голубов:
 Не верю я...
 Казаки:
 Мы братьев кровь пролили даром.
 Ты вел нас... Скот...
 Голубов:
 Рука моя
 Им отомстит...
 Казаки:
 Не верим... Будет...
 Прочь отсюда. От гнева
 Кровь наша кипит,
 Молчи, подлец, иль будет худо...
 Голубов:
 Но все равно придут дворяне...
 Казаки:
 Никто... Ты слышишь, сатана.
 Мы казаки, а не крестьяне,

Присуд — Казачая Страна...
 Другой нам Атаманом будет
 Он даст нам старый прежний быт
 И гимн, и флаг... У всех пробудит
 К победе клич. Из под копыт
 Враги с мольбой протянут руки...
 Голубов:
 Я буду им...
 Казаки:
 Не нужен боле.
 (Вбегают несколько казаков с сине-желто-красным
 стягом).
 Прибывшие:
 Набата слышим всюду звуки
 Весь Дон восстал. И словно в поле
 Орудий грохот. То идут
 Станичники с Петром Поповым.
 Клинки звенят и кони ржут...
 День наступил, сполохом новым
 Вся степь объята...
 Казаки:
 Слава Богу!
 Труби, трубач, свободы зов,
 Труби скорей донцам тревогу,
 Труби...
 Голубов:
 Станичники, мне слов
 Позвольте несколько...
 Казак-старик:
 Ты хочешь,
 Еще ты хочешь говорить?..
 Опять нам голову морочишь...
 Казаки:
 Казнить его...
 Казнить...
 Казнить...
 Студент Пухляков:
 Я — молод, братья. Но есть силы
 За честь Казачества стоять.
 Мне бесконечно степи милы,
 И я готов за них принять
 Грех тяжкий... Горький грех на душу:
 Туму проклятого убить.
 И пулю я ему не струшу
 Свою казачью всадить...
 Голубов:
 (Выхватывая шашку)
 Щенок. Я шашку вынимаю —
 Беги и маменьке ори...
 Пухляков:
 Я час святой благословляю...
 Изменник Голубов — умри...
 (Стреляет. Голубов валится с помоста. Толпа рас-
 ступается. За сценой слышны крики ура. На помост
 входит старик казак).
 Старик:
 Он умер. Пуля роковая
 С предательством свершила все.
 И Дон наш Тихий, оживая,
 Зовет на подвиг для него.
 На жертву трудную во имя
 Свободы прадедов, отцов
 За Честь Казачества и Имя
 За племя славное Донцов.
 И, шашки к бою вынимая,
 Не посрамим его седин
 И, кровь казачью проливая,
 Не повернем к врагу мы спин.
 Вперед, Казачество, к победе —
 Позор в войне мы искупим...
 Бей в колокол. Пусть голос меди
 Всем разнесет, что мы своим
 Порывом пламенным сметая,
 Очистим Дон от всех врагов,
 Мы отстоим свободу Края
 И мир станичных очагов...
 Казаки:
 Долой насилие!..
 Свободы..

Старик :

Мы с песней двинемся вперед,
С той песней, что в былые годы
На смерть и славу шел народ:

(Запевает)

Всколыхнулся, взволновался Православный
Тихий Дон
И послушно отозвался на призыв Свободы Он...

При умелой игре артистов, надо предполагать, что энтузиазм конца перебросится и в зал: все встанут и, повернувшись к Атаманской ложе, продолжат пение.

К о н е ц .

Раз'езд по домам: кто на Московскую, кто на Почтовую, кто на Платовский проспект, а автор побредет на Троицкую площадь, поискать свой домишко с голубыми воротами...

К нашим соседям.

II.

Наше слово к горским народам Северного Кавказа, к тем, с кем не раз за долгую историческую соседскую жизнь дружили и враждовали, враждовали и дружили. Со многими из вас мы, казаки, жили в последнее время так, как дай Бог жить и в будущем. С иными и к началу революционных событий отношения... могли бы быть лучшими, если бы между нами не было третьего. В будущем, очевидно, наши взаимные отношения будут — и должны быть — зависеть только от нас самих, от нашей доброй воли и того или иного понимания каждым из нас своих интересов.

Мы не закрываем свои глаза на то, что казаче-горский вопрос является, может быть, самым острым, иногда больше „колючим“ нашим соседским вопросом; но острота его, или колючесть зависит не от нас, казаков.

Надо различать казаче-горский вопрос на Кубани и казаче-горский вопрос на Тереке. Это — не одно и то же.

На Кубани — и перед революцией, и во время революции, и во время казачьей государственности — отдельного казаче-горского вопроса не существовало. Между казаками и горцами не только не возникало каких либо распрей, но, напротив, всегда между нами было совершенное согласие. Не было споров, не было розни, не было раздоров. Больше: и в борьбе с русскими пришельцами, и в строительстве собственной кубанской государственности кубанское автохтонное население — казаки и горцы — были всегда солидарны и между собой дружны. Горцы шли с казаками. Это и понятно. Составляя незначительное меньшинство (около 150000), будучи, кроме Карачая, расбросанными и вкрапленными среди казачьих станиц, среди плотной массы казачьего населения, горцы издавна уже сжились с казаками, а казаки с горцами, а вместе — давно уже установили взаимные добрососедские отношения.

Горцы и казаки на Кубани вообще не имели оснований быть недовольными одни другими. Думаем, что такие хорошие горско-казачьи отношения будут существовать и в будущем. Выделить горцев или горские территории из состава территории кубанской нельзя уже по чисто „техническим“ условиям. Значит, искать решения горско-казачьего вопроса на Кубани, под-

нимаемого иногда некоторыми горцами-эмигрантами, искать для настоящего и для будущего надо в единственно возможном с нашей точки зрения виде, именно: решение это может быть в общем только таким, каким оно было и в период кубанской государственности: горские народы Кубани, как равноправные граждане, остаются в составе Кубани. Сами горцы иначе этого вопроса и не ставили, а казаки иначе и не могли ставить.

Проект же иного решения горско-казачьего вопроса на Кубани, выдвинутый недавно некоторыми горскими эмигрантскими кругами (гл. обр. не кубанскими горцами) и предусматривающий присоединение почти половины Кубани (вся левобережная Кубань) к будущей Северо-Кавказской горской республике, надо по совести считать более чем фантастическим, лишенным всяких реальных оснований. Мы, казаки, серьезно к такому проекту отнестись не можем. Единственно, на что еще могло бы Кубанское казачество согласиться, это — предоставить Карачаю, небольшой территории, заселенной сплошь горцами-карачаевцами, самим решить свою судьбу: оставаться ли в составе Кубани и вместе с ней войти в общий государственный казачий Союз — Казакию, или — войти в состав будущей горской республики. Само собою разумеется, что такое право за Карачаем должны признать и те горцы, которые борются за Северо-Кавказскую горскую республику.

Вообще при решении казачье-горского вопроса, — чтобы не уходить от действительности и придти к какому либо конкретному удовлетворительному заключению, такому заключению, с которым можно было бы считаться серьезно, которое можно было бы фактически осуществить и в жизни, а не только на бумаге, — надо исходить из современного этнографического положения казаче-горских территорий, считаясь в принципе лишь с волей большинства населения в данной местности, избегая черезполосицы. Решение же казаче-горского вопроса по проекту некоторых горцев (гл. об. терских) для нас, казаков, является совершенно неприемлемым, так как подобное решение на деле привело бы к полнейшей бессмыслице. Ибо, чтобы горской республике, согласно этому проекту, присоединить к себе несколько десятков тысяч горцев из Адегеи, ей необходимо было бы при-

соединить к себе сначала столько же сотен тысяч казаков или другого не горского населения, как „мост“ к этим горцам.

Сами горцы больше чем определенно знают, что казаки на такое присоединение к горской республике не согласятся; принудить же к этому казаков насильем у горцев тоже сил нет. Да и была ли бы такая безрассудная кровавая распря в интересах самих горцев, могла ли бы она послужить к взаимной пользе кубанского горского и казачьего населения? Двух ответов на такой вопрос, очевидно, быть не может.

Думаем поэтому, что подобными фантастическими, не реальными, не жизненными проектами не стоит больше и заниматься.

На такой же точке зрения стоят казаки и при решении казаче-горского вопроса на Терекке. Собственно говоря, вся острота горско-казачьих отношений сосредоточена именно на Терекке. Наперед должны подчеркнуть здесь уже, что острота или крлючесть казаче-горских отношений на Терекке создались не теперь. Горско-терские, иногда довольно враждебные, отношения проявились давно. Это обстоятельство и теперь еще несколько затрудняет спокойное решение этого вопроса. Для нас все же очевидно, что и в этом споре наилучшей возможной развязкой будет такая, при которой интересы казаков и интересы горцев будут считаться равноценными. Казаки не будут стремиться включать терских горцев в состав Казакии, если сами горцы того не пожелают. Точно такое же право должны признать горцы и за казаками. Тем более, что и в данном случае горцы очень хорошо знают, что терские казаки выберут казачье государство, а не горскую республику. До сего времени таких казаков еще не было; вряд ли можно было бы ожидать, что настроение терского казачества в этом отношении изменится.

Поэтому и в данном случае мы ни в коем разе не можем серьезно считаться с нереальными планами тех горских группировок, которые включают в состав будущей Северо-Кавказской горской республики территорию Терского казачьего Войска. Вместо проектирования неосуществимых планов горцам, думаем мы, следовало бы заранее считаться с тем обстоятельством, что терские казаки со всей своей территорией войдут в состав Казакии, на что они, распоряжаясь по своему своей судьбой, имеют такое же право и в такой же степени, какое и в какой степени имеют право горцы, в силу которого они хотят строить свою государственность.

Мы уже говорили на страницах „В. К“, что при размежевании казаче-горских территорий на Терекке, пришлось бы исходить из приблизительного грубого приближения границы

по р. Терекку с поправками местного значения согласно воле населения, терских казаков и горцев в первую очередь. Это в то же время не значит, что остальное Казачество отказалось бы от поддержки терских казаков в их справедливых желаних.

Излагаемая здесь нами точка зрения, по нашему мнению, единственно и может служить исходным пунктом для казаче-горских переговоров и для хорошего и справедливого решения горско-казачьих спорных вопросов вообще.

Но мы уверены, что у казаков и горцев, помимо вопросов своего „внутреннего“ спора, который до некоторой степени способен обострить взаимные добрососедские отношения, есть еще и общие, большие интересы, могущие, несомненно, и притупить остроту „домашних“ споров, если не совершенно ее сгладить. Это — прежде всего интерес общей освободительной борьбы и последующего мирного соседского сожительства. И к одному и к другому мы, казаки, и вы, горцы, готовимся и должны готовиться заранее и заранее — во имя наивысших задач и наиболее жизненных интересов — искать содружества и сотрудничества. Перед лицом общего врага и угнетателя наших народов мы должны будем найти общий и понятный взаимный язык для необходимого сговора и соглашения.

Далеко менее острым, с нашей точки зрения, является вопрос казаче-туркестанский на восток от р. Урала. Как на Терекке мы хотели бы разрешить вопрос казаче-горского размежевания полюбовным соглашением между казаками и горцами, так же точно и казаче-туркестанские границы (восточные границы Казакии) могли бы быть установлены непосредственным соглашением между Войском Яицким (Уральским) и Туркестанскими народами на месте.

Но и в данном случае, конечно, все казаки не могли бы оставить без поддержки справедливых требований своих братьев уральцев, если бы их жизненным интересам грозила какая либо опасность со стороны наших восточных соседей.

Так как у Казакии с Туркестаном нет неразрешимых „противоречий“ или столкновения противных интересов, то мы глубоко уверены, что у казаков с туркестанцами никогда не возникнет споров, могущих привести к серьезным конфликтам. Нам кажется, наоборот, что ничто не стоит на пути соглашения и сотрудничества казаков с туркестанцами теперь, во время борьбы за освобождение, как ничто не будет стоять на пути к добрососедским отношениям в будущем между Казакией и Туркестаном.

А. Н. Трофимов.

Страна казаков.

(Доклад, прочитанный 17 апреля в Париже, 24 апреля в Лионе и 5 мая в Клуши).
(Продолжение).

Противники вольно-казацкого движения, желая сбить, совратить казака с раз избранного им пути, желая пошатнуть его веру и убеждения; стремясь переманить его к себе, могут сказать: Ну, что же?.. территория-то вашей „Казаккии“ большая, но что толку, когда там народу „как кот наплакал“. Ведь, чтобы быть государством, надо не только иметь территорию, но необходим и народ, нужна живая сила, нужно духовное содержание страны, а у вас его нет. Рядом же с вами необъятная громадная Россия с ее сто-миллионным населением. Бросьте их, этих вольных казаков! Это — люди не знают, что говорят; люди, желающие погибели Каз-ву. Бросьте их и... оставайтесь такими, как были раньше. Россия большая. Россия — наша мать! Ведь сколько крови казачьей мы отдали ей?! Она нас оценит, она нас не забудет, она нас возьмет, она защитит и не выдаст... Бросьте их и слушайте нас, „неделимцев“ — мы поведем вас к жизни „свободной“ „казачьей“ во вновь воскресшей „великой“ России...

Слушая все это, не смущайтесь, господа, а выслушайте же и нас, вольных казаков, а потом уже вынесите свой суд.

Чтобы всякий казак, особенно тот, кто стоит еще на распутье, кто еще не решил — кому отдать своё сердце, в ком еще борется тяга к свободе с привычкой быть вместе с Россией; в ком еще не пробудилось сознание воли былой, у кого в душе еще царит Москва, — чтобы всякий такой казак мог бы спокойно, на досуге разобраться и выявить свое решение, я считаю не лишним привести цифровые данные, чтобы сравнить себя не только с великими мира сего, но и с „рядовыми“, но свободными сочленами Европейской семьи.

Государства Европы и численность населения на 1930 г.

1. Казакия — 11.700.000.

1. Европейская Россия	108.000.000
2. Великобритания	44.500.000
3. Франция	40.000.000
4. Германия	63.000.000
5. Италия	42.000.000
6. Испания	21.763.000
7. Польша	27.000.000
8. Румыния	18.000.000
9. Чехословакия	14.500.000
10. Югославия	13.000.000
11. Австрия	6.600.000
12. Бельгия	7.600.000
13. Венгрия	8.000.000
14. Голландия	7.527.000
15. Болгария	5.500.000
16. Греция	7.000.000
17. Дания	3.435.000
18. Ирландия	3.000.000
19. Латвия	2.000.000
20. Литва	2.000.000
21. Норвегия	2.787.000
22. Португалия	6.400.000
23. Турция (Евр.)	2.000.000
24. Финляндия	3.000.000
25. Швеция	6.074.000
26. Швейцария	4.000.000
27. Эстония	1.916.000

Из приведенных здесь цифровых данных населения 27-ми европейских государств видно, что мы уступаем только десяти, а из остальных 17-ти некоторые в 2-3-4-5 раз меньше нас и все же живут, не боясь соседства великих держав, ведут добрососедскую жизнь равного среди равных. Не так уж, значит, страшен чорт, как нам его малюют „неделимцы“.

Довольно часто они пускают в оборот еще один „сокрушающий“ довод, говоря, что Казачьи Земли не

представляют однородного состава населения, что там, мол, почти половина не казаки...

А Россия?! О!.. это „старый русский великан!“

Да... как будто правда, скажет кое-кто из казаков. Но вся беда лишь в том, что такие „неделимцы“, одержимые „священным“ долгом к Москве, желая нас испугать, просто рубят с плеча, не считаясь с фактами жизни. Ведь „перепись 1897 года открыла в России свыше 100 народностей (это, по их мнению, „русский великан!“ А. Т.) и среди них 20 таких, которые имели в своем составе свыше миллиона населения. Главенствующая народность — великороссы — не составляют большинства в государстве Российском, их было всего 43,3%, считая великороссами и тех, кто говорил на русском языке, а это, как известно, признаки далеко не совпадающие“ („ВК“, № 7).

Так что, если у нас не однородно население, то Россия тем более не может этим похвалиться. Надо поискать в мире такую страну, где было бы сто народностей. Мы убеждены к тому же, что наши инородные легче станут казаками, чем там инородцы — русскими.

Ну, довольно об этом. Теперь я предлагаю вам оторваться от карты, последовать за мной и осмотреть экономическое состояние Родных Краев. Предупреждаю только, что в виду отсутствия данных об Уральском и Оренбургском Войсках, мы займемся лишь районом так наз. Юго-восточного Союза, т. е. Дон, Кубань, Терек, Астрахань, Ставропольская и Черноморская губ.

Итак, давайте совершим маленькую прогулку по своим просторам, чтобы ясно нарисовать себе картину былого прошлого, чтобы осознать — как хороши и пригожи, как богаты и обильны они. Прежде всего проедем по земле Донского Войска, побываем на Кубани, пройдемся по Тереку и оттуда спустимся в просторы Астраханского Войска и к калмыкам. Не забудем погостить и в Ставропольской губ. и на Черноморьи.

Ну, вот и они перед нами.

Здравствуй!

„... Дон Родной, краса степей!

Прими от нас, твоих детей,

От сердца чистого привет...“ („ВК“, № 36. А.Ф.З.)

„Шлем тебе, Кубань Родимая,
до сырой земли поклон“.

Здравствуй Терек наш бурный и Астрахань вольная.

Привет вам всем, Казачьи Края!..

Посмотрите-ка, братцы, на эти раскинувшиеся перед нами поля и равнины, на эти холмы и долины. Куда бы мы не бросили свой взгляд, везде и всюду „колосятся волны нив“. Как бы дразня и играя серебристым переливом стройных полчищ, они убегают во все края Казачьей Земли. И там вдалеке, как бы стыдясь своей красоты, укрываются за спасительный горизонт. Но мы и там их найдем, и там отведем свою душу и там полюбуемся ими. Вы видите, как они, руководимые разумной рукой казака, так хорошо распределили между собой места.

Тут вот почти повсюду, как важные „баре“, расположились пшеница и широколиственный ячмень. Повсюду, куда не взгляни, они ревниво оберегают свой простор и только кое-где, как бы жалости ради, уступают небольшие кусочки земли для других своих собратьев. Это, значит, мы находимся в Черкасском, 1-м Донском, Донецком, Сальском округах или Ейском, Кавказском, Таманском и Лабинском отделах на Кубани; в Ставропольской губ. или на Тереке в Моздокском и Пятигорском округах.

Но вот мы замечаем, по мере нашего продвижения вверх, что пшеница и ячмень уступают свои позиции и командное положение играет рожь. Это мы во 2-м Донском округе, который давал ее около 6 мил. пудов.

Хоть не так то она дорога, хоть и не дает такой прибыли, как пшеница и ячмень, но, значит, местные условия сложились так, что последние почтительно усту-

пают ей место. Остальные же зерновые хлеба нигде у нас не играли первую роль и были как бы островами разбросаны повсюду.

Но вот на Тереке вы видите, как кукуруза занимает одно из почетных мест, когда из общей суммы сбора в 66 с лишним миллионов пудов, на долю кукурузы приходится более 20 мил. пудов, т. е. почти $\frac{1}{3}$ часть сбора всех зерновых культур на Тереке.

Наименьший сбор зерновых хлебов давала у нас Астраханская губ., где преобладают песчаные районы. Много, очень много миллионов десятин отнимали у наших хлебов эти безводные пространства, эти пустынные пески, солончаки, или горные склоны и плавни. Но несмотря на это, мы, казаки, все таки, имели возможность довести свою запашку в 1914 году до 13,04 мил. десятин земли!

Много это или мало? Чтобы иметь некоторое представление о том, что такое 13,04 мил. десятин, давайте произведем сейчас некоторое сравнение и вы узнаете тогда, что „она“ (эта площадь нашего засева) равняется в сей территории Чехословакии (142 т. кв. кил.) превосходит площадь таких государств, как Венгрия (93 т. кв. кил.), Португалия (92 т. кв. кил.), Болгария (103 т. кв. кил.), почти в пять раз больше Бельгии (30 т. кв. кил.), в $3\frac{1}{2}$ раза больше Швейцарии (41 т. кв. кил.) (Бейсуг).

Вот геперь посудите и скажите себе — правы ли те из наших противников, которые постоянно твердят нам приблизительно так: ну что вы делаете, куда вы лезете? Ведь это же преступление! Ведь вы же так малы и так ничтожны, что даже смешно думать о каком-то самостоятельном существовании, о создании какого-то казачьего государства?

Слушая их, не забывайте, братцы, что и у вас не кубышка, а голова на плечах. Больше мозгите сами, узнавайте, разбирайтесь и оповещайте других казаков. Слушая их, не принимайте все, что они говорят на веру — они много знают, но они слишком мало любят Родные Края, слишком непостоянны и не решительны. У них все зависит от погоды — куда ветер дует, туда и они!

Итак, вы видите, что представляет из себя эта площадь запашки в наших Краях. Этого мало. „По вычислению“ специалистов эта площадь может быть увеличена, при наличности земельных просторов, до 20 мил. десятин“ (Донская Летопись № 1. Комитет Экономического возрождения Юго-Востока России).

И мы верим в это, мы убеждены, что казачий народ найдет в себе достаточно силы и энергии, достаточно внимания к своей земле, желания все сделать для процветания Казачества, чтобы в будущем довести эту запашку до такой колоссальной цифры, как 20 миллионов десятин!

Но это в будущем, а в прошлом мы знаем, что эти „казачки“, эти „грабители“, эти „бездельники“, люди, по мнению некоторых, надеющиеся только на „способие“ и на „полагаемое“, находили в себе силы и возможность обрабатывать 13,04 мил. д. земли, получая с нее общий урожай зерновых хлебов не мало и не много, как 650 мил. пудов в год, что составляло 12,5% урожая всей б. Российской Империи.

Нужно обратить особое внимание и на то, что такое развитие хлебопашества у казаков было достигнуто при тяжелых политических и военных условиях казачьей жизни, когда, по утверждению проф. Сватикова, казаки были пнерашены в „полукрепостных рабов“, когда казаки почти двадцать лет своей жизни должны были отдавать служению „матушке“ России, каковая служба, по точному подсчету, обходилась каждому казачку в 1000 золотых рублей, что не могло хозяйственно не душисть казака!

„Чтобы лучше „прочувствовать“ величину нашего урожая некоторых зерновых хлебов, сравним его с соответствующими цифрами иностранных государств за 1909—1913 г. (таблица в милл. квинталов):

	рожь	пшеница	ячень	овес
Казачьи Земли	6,3	48,8	25,3	5,9
Франция	12,5	86,4	10,5	51,6
Италия	1,4	49,9	2,2	5,4

Германия	113,0	41,4	38,4	85,9
Испания	7,0	35,5	16,2	4,2
Великобр. с Ирландией	0,1	16,2	14,2	30,0
Болгария	2,1	11,4	2,8	1,4
Соед. Штаты	8,9	186,9	39,6	164,2
Швеция	6,1	2,2	3,3	12,5
Бельгия	5,8	4,1	0,9	6,2
Канада	0,5	53,6	9,9	54,2
Япония	—	6,6	21,3	0,7
Аргентина	0,4	40,0	1,0	7,9
Австралия	0,03	24,6	0,7	2,5
Британская Индия	—	95,7	—	—

(Инж. Бейсуг).

Рассматривая эту таблицу, мы замечаем, что рожь сеялась в меньших размерах, чем у нас, во всех приведенных странах, за исключением Германии. Такую же сравнительно небольшую роль она играла и у нас, давая из всего громаднейшего сбора в 650 мил. пудов только немногим больше 28 мил. пудов. И, все таки, несмотря на это, мы занимаем 5 место (без России) в мире.

Далее идет пшеница. Здесь мы видим, что сбор пшеницы у нас был более, чем в Германии или Испании, в 4 с лишним раза превышает Болгарию, в 3 раза больше, чем в Великобритании с Ирландией, превосходил сборы таких стран, как Аргентина и Австралия, немногим уступал Канаде и, приблизительно, в 4 раза меньше сбора такого мирового поставщика, такого гиганта, как С. Штаты. Это, впрочем, не должно обескураживать нас. Мы только сравниваем себя с другими, чтобы видеть, чем же мы были.

Если же сравнить нашу территорию с С. Штатами, которые обладают таким пространством, как 7.839.432 кв. кил., то такой процент нашей пшеницы, пожалуй, и не так то уж мал и, думаю, сознание того, что наши Земли в этом вопросе занимали 6-е место в мире (без России), заставит гордостью забиться казачье сердце.

Посмотрим, как обстоит дело с ячменем. Здесь мы уступаем только таким государствам, как С. Штаты и Германия, давали немного больше чем Франция и Великобритания с Ирландией вместе взятые, в $2\frac{1}{2}$ раза превышали сбор Канады, в 9 раз сбор Болгарии, занимающая среди мировых поставщиков хлеба почетное 3-е место.

По сбору же овса мы уступали многим государствам и занимали лишь 9-е место.

Таким образом, вы видите, что на мировом хлебном рынке мы были уж не так то малы, чтобы с нами не считались. Не даром же было время, когда „один дождь на Кубани уже влиял на курс Чикагской биржи с ее оборотом в сотни миллионов пудов хлеба“ (инж. Бейсуг).

Вы и сами, конечно, хорошо знаете, но считаю не лишним заметить, что ведь все это достигалось казаками при почти полном отсутствии сельско-хозяйственных школ, при слишком малом количестве опытных руководителей-агрономов, без показательных полей и опытных станций. Только трудом, только бессонными ночами в страдную пору, только мозолями и мазолями.

Посмотрите как здесь, в высококультурных странах, как здесь землеробы „нянчатся“ со своей землей. Как они ухаживают за ней; сколько знания и опыта отдается ей; сколько удобрений кладется на поверхность ее; как они ворочают, переворачивают, „пестают“ ее, как малого ребенка! Но и она сторицей благодарит хозяина. Земли, с которых мы с вами ничего не получили бы, здесь дают прекрасные урожаи. Больше знания, больше внимания, больше забот надо нам будет применить к своей земле. Пусть в нашем Союзе Казачьих Республик вся наша молодежь-агрономы, получившие здесь образование, вместе со стариками приложат свои знания потом там дома на все 100%, взявши руководство по уходу за землей в свои руки.

Но все таки, несмотря на отсутствие знания, руководясь лишь любовью к земле и труду, казаки в былое время имели возможность не только заполнить до отпазу свои амбары с запасом на весь год и на неурожай, но еще и за границу могли выбрасывать 237 мил. пудов на сумму, приблизительно в 200 мил. золотых рублей.

Осматривая наши поля, мы не можем не заметить, не можем не остановить своего внимания на другой отрасли нашего сельского хозяйства — подсолнечнике и других маслянистых растений. Но вот что странно здесь — когда мы начинаем с вами двигаться с северных округов Донского Войска на юг, то в одном из самых дальних из них, как Хоперском, мы находим 8.000 дес. занятых подсолнухом, в Донецком — 16.839 дес., но ни во 2-м, ни в 1-м Донском, ни в Черкасском округах, как наиболее южных и, казалось бы, наиболее пригодных для этой культуры, нам не попадаются, за исключением отдельных клочков земли, участки, занятые подсолнухом. И только в Таганрогском обнаруживаем 8.000 десятин. Общий засев его по Донскому Войску в 45.275 десятин слишком недостаточный, имея в виду и возможность и прибыльность его посева.

Терское же Войско, несмотря на сравнительно небольшую свою территорию, дает 25.354 дес., где в одном Пятигорском округе отводилось под него 17.970 дес. Пробегая беглым взглядом по Ставропольской губ., мы видим, что здесь подсолнух расбросан отдельными островками, но нигде не представляет солидной площади, на чем можно было бы остановить свой взгляд. Черноморская губ. еще более скупа и показывает нам лишь 50 своих десятин.

Но вот мы попадаем на Кубань и картина резко меняется. Куда ни взглянешь, всюду виден лен, рапс, рыжик, сурепка, клеверина или „райское дерево“ — масло которого пригодно не только в медицине, но хорошо и как смазочное вещество, особенно в авиации, где только им и пользуются. Но еще более поражает ваш взгляд — это количество подсолнуха на Кубани. В какой бы отдел мы с вами не поехали, где бы ни проходили, повсюду встретим громадные поля подсолнухов. Повсюду он, выстроившись стройно рядами, как на парадном смотре, приветливо помахивает вам головой. Особенно изобилует им Майкопский, Еатеринодарский, Баталпашинский и Лабинский отделы, площадь засева в которых подсолнуха доходит до $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{5}$ общей площади засева. Нельзя не отметить Майкопский отдел с его 81.135 дес. подсолнуха при сборе в 5.980.000 пудов.

В 1917 году на одной только Кубани было занято им 357.500 десятин с общим сбором в 21.395.000 пудов, принимая среднюю дачу 66 пудов с десятины.

Я не буду утруждать дальше ваше внимание рассмотрением других маслянистых растений, повсюду виднеющихся на наших землях, как лен, конопля, горчица, рапс, клеверина. Желаящие ознакомиться подробнее, просматривая труды Бейсуга в Календаре В. К. за 1930 год и будут иметь исчерпывающее впечатление. Я же лишь в кратких словах укажу, что общая площадь засева льна в 1911—1915 г. у нас равнялась 71.119 дес. со сбором в 2.192.649 пудов и что мы занимали одно из первых мест среди европейских государств в этом вопросе.

Что касается конопли, то ее было лишь 12.925 дес. со сбором в 428.169 тыс. пуд. Наибольшее ее количество мы имели в Донецком округе — 4.109 дес. и Хоперском — 1.402 дес. Хотя и немного она занимала у нас, но все таки ее было почти в 2 раза больше, чем во Франции, почти в 5 раз больше, чем в Болгарии, в 15 раз больше Бельгии и в 50 раз больше Австрии.

Остается горчица. „Из 43 тыс. десятин ее посевов по всей Империи, около 35 тыс. десятин приходилось на долю Астраханской губернии“. О том сколько же вырабатывалось масла из всех имевшихся у нас маслянистых растений, трудно сказать за отсутствием точных данных последних лет, но известно; что помимо удовлетворения местных нужд населения, имелась возможность вывозить на внутренний рынок Евр. России около 5 мил. пудов и больше $\frac{1}{2}$ мил. пудов в Закавказье и Турцию. Считаю в среднем по 4 рубля пуд, это составит сумму в 22.000.000 рублей (золотых) стоимости вывоза масла. Насколько его было много у казаков, укажем только, что одна Кубань давала 40% производства подсолнечного масла по всей Российской Империи, что, по сведениям даже 1912 года, т. е. когда его посев не был так велик, здесь давали 7 мил. пудов масла.

На Кубани же и в Черноморской губ. мы находим и еще один вид нашего хозяйства, дававший тоже не

малые доходы. Это — табаководство. В то время, как на Дону по 1914 году было только 13 $\frac{1}{2}$ десятин табаку, на Терек — около 4 десятин, в Черноморской губернии занято было 3.357 десятин, а Кубанское Войско довело в 1917 году свои плантации до 24.000 десятин со сбором в 2 мил. пудов. Причем надо заметить, что все это были почти исключительно высшие сорта табаку. Зная, что каждая десятина табаку даёт в среднем 700 руб. чистого дохода, то, помножив на 27.357, получим чистую прибыль в сумме более чем 19 мил. золотых рублей. Правда, почти вся эта прибыль, как и во всех остальных отраслях на казачьей земле, попала в руки пришельцев, нашедших в наших Краях вторую Америку. Ведь все торговцы, комерсанты, фабриканты, все это были чуждый нам элемент. В будущем вся эта прибыль должна принадлежать гражданам Казачьего Края.

Если взять сбор табаку за 1917 год только на Кубани, не считая Черноморской губернии, то и тогда мы видим, что она имела дать столько, сколько дала Германия и Турция перед войной.

На Дону, в период войны с большевиками, повсюду во дворах стали рассаживать грядки табаку. Судя по средней даче с десятины на прежних плантациях за 1914 год (Дон — 82 пуда; Кубань — 77 пуд.; Черноморье — 56 пудов), думается, что есть полная возможность развить это прибыльное дело и на Дону.

В годы войны с большевиками силою судеб мы много побродили по своим Краям. Донцы побывали на Кубани и в горах Кавказа; кубанцы и терцы прошли вдоль и поперек донские привольные степи; все вместе заглянули к астраханцам, а эти последние не упустили случая побывать в наших краях. И везде, где мы проходили, верхом или пешими, к какой бы станице не подходили, всюду особенно ярко бросается в глаза зеленая листва, — фруктовые сады, в которых утопают станицы, как бабочки в цветах. Сады, как кудри красавицы степной, опоясывают наши станицы. Они своим запахом цвета весной и зреющих плодов в летнее или осеннее время так приятно щекочут ваши легкие, что, в'ехав в станицу, нет уж охоты уходить из нее. В каждом дворе, куда не зайдешь, везде сады и сады. Тут и вишни, сливы, яблоки, груши, черешни, абрикосы, персики; на юге изредка и кизиль, лыча, айва, грецкие орехи, шелковица (тютюна по нашему), а там на дальнем юге, в Черноморьи, встретите сливы-угорки, дающие чернослив, мандарины, лимоны, фундуки. Японская фурма, миндаль, инжир и даже японская мушмала, и даже чай. Остановившись на отдых в станице, кто же утерпит, чтобы не побродить по садам. Там ведь, помимо всех фруктов, можно найти и клубнику, смородину, крыжовник, а на юге и маслину.

И чего только нет в этих садах! Только что скушал одно, как рука уже тянется за другим. Ведь кто впервые раньше бывал у нас, мог подумать, что казаки — большие садоводы. И как это просто у них — заходи и кушай, только не украдкой, и никто ничего не скажет — так всего было много.

Садоводы? Какая ошибка! Просто после поля, после горячего солнца, после раскаленных степей, любил казак в праздничный день забраться в прохладу, где нету солнца, нет жары, где можно свободно вздохнуть, полежать, отдохнуть. Любил казак с казачкою зелень и все их курени оттого купались в листе.

Что он не был садовод, можно было сразу сказать, взглянув на сад — тут дерево к дереву жметя, много тени, мало свету. „Ну да что это, — порой слышался голос стариков, — разве это сад. „Чорти что“ — дерево от дерева как чорт от попа, на целую версту. Ни тени тебе, ни затишки“. Ну, а что терялось от этого, то не считали. Да чего было учить, чего Бога гневить — и так всего и засушено, навялено, намочено и наварено всех сортов варенья.

Сажали их, но не было времени с ними возиться. Да и до них ли было, когда поля зовут.

При всей возможности иметь промышленное садоводство, мы находим его только до некоторой степени на Кубани, в Ставропольской губернии и Черноморской. Правда, здесь таких только 2.000 десятин, но это сады, на прибыль с которых люди жили. Да, по правде сказать, и правительство „наше“ Российское не особенно

уделяло внимания этому — ведь ученые вред для казака! И лишь не задолго перед войной были открыты три-четыре школы садоводства, еще не успевшие развернуться и растолковать народу всю выгоду и пользу садоводства, способы ведения и улучшения его.

Трудно сказать — сколько прибыли давали наши сады. Известно только точно, что в одном из районов Кубани сбор и сушка диких груш давали населению ближайших станиц до 2 мил. золотых рублей.

Дикие груши и 2 миллиона рублей! Сколько же миллионов давали б все наши сады при должном уходе за ними? Прав один из мужиков центральной России, сказавший мне как то в Турции: „вы, казаки! Зачем вам Америка? Ведь вы же сами жили в „Америке“!

Иногда в перемежку с фруктовыми садами, а иногда, как ярые „сепаратисты“ или „аристократы“, не желая себя смешивать в общую кучу, избегая иметь что либо общее с какими то грушами, сейчас же за станицами вытягиваются виноградники. Общая площадь под ними равнялась 40.000 десятин со сбором в 6.650.000 пудов винограда. Вина приготавливалось более трех миллионов ведер.

А там подальше, как в 1-м Донском, Донецком, Черкасском и Сальском округах, у Астраханцев или на Тереке и на Кубани, отъехав 4-5 верст от станицы, вы встретите бахчи. И сколько здесь этих арбузов, дынь, тыков и прочих плодов. Тут тебе и „ажиновские“ (Дон), моздокские и кизлярские (Терек), спицевские и бешлагирские (Ставр., Кубань), белые астраханские. Каждый в летнее время, проезжая мимо, попроси лишь сторожа-деда и — „кушай себе на здоровье“.

В урожайные годы порой и не знали, что с ними делать, куда их девать. Возят, возят домой, да и бросят — нет места где бы их положить. Уж хозяйки наши и нардеку наварили и на зиму намочили, и оставили свежих в соломе до... быть может до Рождества, а до хороших морозов наверное.

А те, кто близко к железным дорогам, сколько десятков в миллион пудов арбузов и дынь отправляли в Россию, преимущественно в Москву и Петроград. Несмотря на то, что бахчи в наших краях занимали не так то уж много места в процентном отношении по отношению с хлебами, но все же площадь их немного больше 1/3 части территории Бельгии. Еще раз, значит, вы можете убедиться, что мы, казаки, не так-то малы, чтобы находить невозможным наше самостоятельное существование.

Валовой доход от бахч и огородов исчислялся в 150 мил. золотых рублей, что давало приблизительно 50 мил. рублей чистого народного дохода.

Теперь, если мы не поленимся с вами, побродим по казачьим дворам в любой из наших станиц. В каждом из них мы найдем разгуливающих по двору кур, гусей, уток и довольно часто индеек (индюшек). О том, как водилась у нас домашняя птица — „ты не спрашивай, не выпытывай“. Только в последние годы перед войной кое где на Кубани стали в очень и очень небольших размерах заниматься промышленным разведением птицы.

В большинстве же было так: где нибудь на запятках двора примостится маленький-маленький курник, а у многих вы и того не найдете. Куры несутся и в курнике, и в старой соломе, и в дровах, под амбарами, в траве или еще в каком нибудь уютном уголке. Сплошь и рядом хозяйка и не знает, где их искать. И все же недостатка в курах и яйцах никогда не было. Попробуйте спросить любую хозяйку, сколько у нее кур? — и она вам ответит: „а кто же их знает. Не то 40, не то 50. Да ну их к лешему — не до них тут. Сколько есть, все наши“.

Бывает и так — нет курицы старой. „Пропала, издохла“ — думает хозяйка. Смотришь, через несколько дней вылезает эта „старушка“ из сеника или еще откуда с кучей маленьких цыплят. Вот так мы разводи-

ли кур. Так „образцово“ и так „культурно“ велась эта отрасль хозяйства у нас. В какой бы ужас пришел фермер француз, или немец, если бы он это видел.

Но... даже и при таком „показном“ куроводстве, мы могли выбрасывать на рынок, за пределы наших земель, одних яиц „до 3-4 миллионов пудов ежегодно“ (Донская Летопись № 1), приблизительно на сумму 6-8 мил. рублей. А ведь почти все это давали лишь станицы, лежащие близ железной дороги.

Помните, как, бывало, подойдет престольный день, пасхальные или рождественские праздники, так чего, чего только нет на казачьем столе. Все, за исключением курицы.

„Да ты что, мать, иль с'ума сошла, что-ли, прости Господи? ворчит отец. Что ты срамиться, что-ли выдумала. Иль мало тебе гусей, уток, поросят?“ Так то вот, братцы, было раньше дома у нас, где курица за птицу не считалась. А теперь там... курица и яйца — недостижимая мечта, роскошь для казаков.

А вон посмотрите: в осеннее позднее время важно, в развалку, как „бояре вельможные“ с презрительным взглядом на мелкую птицу, ходят гуси, как бы любящая собой. Не знаю — как где, а в некоторых придонских станицах, особенно в крайних дворах, где близко луга и озера, там было так. Пока гусята маленькие, они под присмотром детишек пасутся здесь на лужку, а затем отдаются под команду гусака. Все режет и режет приходят домой, а затем ушли в луга и нет их до самой осени. Там смотришь — летят. — „Поглянь, мать? — говорит старик, — это, бывает, не наши летят?! — Да игрец же их знает... Может и наши. С ними же старый гусака. Что же он не знает дороги домой. Сядут у нас, значит, наши“...

Так было нередко в станице или хуторе, где близко луга. В большинстве же всю эту домашнюю птицу, как гуси, утки, куры, индюшки брали на лето в поле. И там они уже были сами себе господа. Вот так водили мы птицу. А сколько резалось их в зимнее время, сколько пуху и пера давали они. Помните, как бывало девчата вечерами сидели под песни за сортировкой пуха и пера и как ребята иногда производили там такой „кавардак“, что и не разберешь — где пух, где перо, а где девчата и ребята.

Так вот было недавно и мы не ценили, что имели. Теперь же, побывавши за границей, мы видим — что стоит здесь птица на базарах. А какие неограниченные возможности были у нас разводить их так, как здесь и какую пользу можно было иметь. Но... не было знаний. Всюду нужно знание, умение. Ох, это знание. Только теперь мы вполне понимаем, как нам необходимо этот „разврат“ по мнению русских вождей. В будущем вся наша молодежь — специалисты должны будут взяться за это дело с присущей казаку энергией, охотой и любовью, чтобы поставить эту отрасль хозяйства на должную высоту, давая стране многомиллионные доходы.

Сколько же, все таки, было всего птицы у казаков, ответить нельзя — никто никогда ее не считал. Правда, в 1920 г. большевики подсчитали на Кубани и нашли там 4¹/₂ миллиона штук птицы. Но не забывайте, что это только на Кубани, да еще в 1920 г., когда их надо было искать и „днем с огнем“. Если же мы возьмем с вами только по 20 штук домашней птицы (ведь, это очень немного) на каждое земледельческое хозяйство, которых было 1.835.000 (Донская Летопись № 1), то получим приблизительно количество всей птицы в количестве больше 36 мил.

О! французы, немцы или бельгийцы со всем их знанием, опытом, организованностью и экономным расчетом извлекли бы из этого прибыль не 6 мил. рублей, как мы с вами, а в два или три раза больше. Постараемся им подражать — учиться не стыдно, была бы охота...

(Окончание следует).

● КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! ●

Чужинец.

Французское казачество эпохи Отечественной войны (1812—1814).

(Идея вольного казачества в XIX веке).

Война 1812 г. с Россией предчувствовалась за дол-
го. К ней усиленно готовился французский генераль-
ный штаб, возлагавший надежды не только на создан-
ное французами польское „Герцогство Варшавское“,
но и на национальное движение в Украине и в среде
казачества. Наполеон I сам давал нужные указания в
отношении „моральной“ подготовки войны. Единствен-
ным орудием анти-русской пропаганды явился ряд книг
о России и, даже, специально о казачестве.

К таким книгам принадлежала книга некоего Л.
об успехах русского могущества от основания (русско-
го государства) и до начала XIX в., написанная, как
оказалось позже, чиновником французского министер-
ства иностранных дел Лесюром.*) Автор упоминал и о
казаках, сперва вредивших английской торговле грабе-
жами на Волге, а затем в количестве 5-6.000 (?), заво-
евавших Сибирь — „деяние более лестное для их гор-
дости, чем полезное для русского могущества“ (с. 68).
Автор считал казаков „блуждающими ордами“ бегле-
цов из всяких стран (Турции, Польши и России, а еще
раньше из Хазарии), устремлявшимся в степи, заня-
тые татарами. „Писатели, желающие видеть только Рус-
ских на необъятном пространстве Российской Империи,
pretendent, что Казаки — русского происхождения,
основываясь на тождестве религии и нескольких
аналогичных слов обоих языков... По чертам, нравам
и привычкам, это более татары, чем русские!..

Когда Польская и Русская монархии укрепились,
тогда Донские казаки естественно должны были пере-
йти в систему и под покровительство России, а Днепр-
овские нечувствительно стали вассалами Литвы и
Польши“ (с. 113-114). Запорожские казаки стали аван-
гардом украинских. „Их конституция — странная смесь
порядка (police) и анархии, мудрости и разбойничества“
(с. 115).

Насчет Переяславского договора Лесюр думал, что
он — более результат московской политики и ловко-
сти, нежели польских ошибок. Сквозь зубы, он добав-
лял, что, действительно, королевская власть оказалась
бессильной оберечь казаков от жадности магнатов и
притязаний католического духовенства. Он возражал
против замечания аббата Мабли: „Для государства это
выгода довольно посредственная — иметь казаков под
своим покровительством“, утверждая, что для борьбы
с Турцией и Польшей присоединение казаков к России
давало весьма большие выгоды (с. 116-117).

Лесюр не одобрял жестокостей Пугачева, но с со-
чувствием цитировал мнение Малле-дю-Пана, что Пугачев
„показал опасность, в которую, во время войны,
мог ввергнуть человек отважный, менее жестокий и
более мудрый***). Такой человек, что и говорить, очень
бы пригодился Наполеону в 1812 году!

Говоря о „различных расах“, обитающих в России,
Лесюр выделял из „славянского племени“, — латышей
„или литовцев“, поляков и „вплоть до этих самых Дон-
ских и Днепровских казаков, которых их военная кон-
ституция делала, как будто, до сих пор отдельными
нациями“ (с. 373). С одной стороны, Лесюр с удоволь-
ствием цитировал все ругательства Кларка по адресу
русских и комплементы по адресу казаков (р. 454-455).
С другой — отмечал мнение Вильямса о „казачестве“,
т. е. жестокости и варварстве, в которые легко вла-
дали русские даже щеголявшие элегантною и веж-
ливостью (politesse, собственно — воспитание). Глав-
ным утешением для автора и читателей должно было
служить мнение Лесюра, что „в наше время (1812) ка-
заки украинские, черноморские или донские это не тот

род войск, который решает успех битвы и судьбы им-
перий“.) В 1814 году он должен был иначе оценить
роль казаков в войне 1812 года.

Этому же самому Лесюру был дан самим Наполео-
ном приказ срочно написать исторический очерк о
казаках. Автор исполнил заказ со всею возможной
поспешностью, исчерпал всю или почти всю тогдаш-
нюю литературу о казаках и написал книгу в 600
слишком печатных страниц. Работая над нею, он все
время находил „или новые и новые источники или но-
вые очарования“. Он прочитал в книге Шторха**), что
„исгория казачьих возмущений является предметом,
достойным лучших современных писателей“. Поэтому,
Лесюру „показалось интересным (piquant) показать
старой Европе, столь гордой своей цивилизацией, на-
род napоловину варварский, любопытный в своей ди-
кой простоте, и героев, ничуть не похожих на героев
цивилизованных (polices) народов“.

Как ни торопился Лесюр, книга его была законче-
на печатанием лишь в 1813 г. Он поспешил доставить
экземпляр ее Наполеону, хотя тому было уже не до
нее. Несколько экземпляров попало в руки высших чи-
нов, в Национальную (тогда Императорскую) библио-
теку, как „пробные оттиски“ (epreuve), но публика ее
не увидела. Казаки переправились уже через Рейн
и спешили к Парижу. Выпущена она была в свет уже
в новом издании в 1814 г. когда Наполеон был на о.
Эльбе, а казаки, уже побывавши во французской сто-
лице, очистили Париж. Лесюр не прочь был поднести
свою книгу Александру I или Платову, но решил, что
удобнее сохранить вид независимости, и напечатал ее
заново в двух томах, в 1814 г., когда, по его словам,
французы были „освобождены от несчастья иметь ка-
заков гостями или врагами“.

Для нового издания Лесюр почистил текст первого,
сделанного для публики, издания, однако, как он по-
лагал, не очень. „Прекрасный характер Хмельницкого
(в его изображении), храбрость славного разбойника
Ермака, — по мнению Лесюра, — не могли бы вну-
шить самим казакам большого интереса“, нежели тот,
что они внушили ему. „Русские писатели, которые не
могут никак согласиться рассматривать казаков, как
нацию, никогда не изображали их подвигов в столь
благоприятном свете, как я“, — полагал Лесюр. Не
отрекаясь от взглядов своего первого (не для публики)
издания, Лесюр просил считать его и литературно, и
политически ответственным лишь за второе (двух-
томное, 1814 г.) издание.

По его словам война 1812-1814 г. г. не изменила
его взглядов на казачество. Восхваляя их воинские
качества Лесюр полагал, что „беспокой движения и
сообщения французской армии, отрезывая ее снабже-
ние, казаки, может быть, более, чем всякая другая
часть союзных войск, способствовали успеху союзни-
ков“.***)

Сравнивая первое (безымянное) издание „Истории
казачества“ Лесюра со вторым (1814-го года), мы видим,
что он переписал заново предисловие и в немногих
местах в тексте смягчил характеристики. Так исчезло
из предисловия поэтическое, но мало дружелюбное в
отношении казаков описание „страны между Днепром
и Уралом“... „Там живут, — писал поначалу Лесюр, —
эти воинственные племена, непрестанно волнуясь под

*) Стр. 433 и 414.

**) „Tableau de l'Empire Russe“, t. I, chap. I, note
15 (édit. franç.).

***) Lesur „Histoire des Cosaques, précédée d'une in-
troduction ou coup d'oeil, sur les peuples qui ont habité
le pays des Cosaques, avant l'invasion des Tartares“. Paris,
1814, 632 p. Второе издание, Paris, 1814 г. v. I,
VIII + 405, v. II, 420 p. Первое заглавие — краткое и
без имени автора.

*) „De Progrés de la Puissance Russe depuis son
origine jusqu'au commencement du XIX-e siècle. Par
M-r L***. A Paris, 1812, XIV+514 pp.

**) Mallet du Pan „Du Péril de la balance politique“,
p. 105; „Dese Progrés“, 1812, p. 261.

рукою, ими управляющей, коих опустошительный и бродяжнический дух, устремляющийся по зову их господина против наций, которые он указал для излияния на них их (казацкой) ярости, представляют нам царство бурь описанных Вергилием“...

Не имея возможности подробно разобрать труд Лесюра дадим лишь краткий очерк его взглядов на казачество. Как это не странно, но до наших дней книга Лесюра остается единственным историческим трудом, в котором изложена история разных ветвей казачества от его возникновения и до конца XVIII века. Очень часто судил он весьма здраво, хотя писал он по отрывочным иностранным источникам, не подозревая о богатстве данных, которые заключались в подлинных исторических актах, дождавшихся своего опубликования лишь в XIX-XX вв. Но, рядом с этим, он тщательно собирал и домыслил иностранцев о происхождении казаков, накопившихся в XVII-XVIII вв.

Возникновение казачества, как некоей „нации“ относил он к весьма давним временам. Донских, днепровских и даже яицких казаков считал он ветвями „казацкого племени“, укrywшимися от Батыева нашествия в непроходимых плавнях устьев соответственных рек, и потом, после разделения татар на враждующие между собою орды, вышедшими вновь на равнину. Так как „Касахия“ времен Константина Порфирогенета числилась в 20-й епархии Византийской Империи, то Лесюр готов был допустить, что казаки получили христианство из Византии раньше Киевской Руси (т. I, с. 115-116 и 180). Историю Украины Лесюр излагал по польско-латинским источникам и по Шереру. По его мнению, царь Алексей Михайлович не особенно хотел ее присоединения к России, находя казаков слишком „страшными“ (redoutables) в качестве подданных и опасаясь дурного примера для великорусских крепостных, но еще меньше хотел он образования независимой казачьей державы или переход Украины под покровительство Турции (I, 362-363).

Когда Переяславская Рада решила пойти на соединение с царством Московским, „договорные пункты 1654 г. могли бы обеспечить вечный мир и взаимное удовольствие обеих сторонам, но они не были соблюдены ни той, ни другой стороной“. Причиной, по мнению Лесюра, были „беспокойный характер казаков“ и „гений московского правительства“ (I, 400).

Хмельницкий остро почувствовал свою ошибку, когда Алексей Михайлович выставил свою кандидатуру на польский престол. Гетман, входя под протекцию царя, льстил себя надеждою доставить политическое существование своей нации и создать себе род суверенитета. Теперь он видел свою ошибку“ (II, 4-5 с.).

Лесюр огметил потрясающее влияние, оказанное на „казаков“, т. е. на Украину, договором 30 янв. 1667 г. „Они заметили, что их не рассматривают более, как единую нацию“ разделивши ее на 3 части.*)

По мнению Лесюра, Мазепа был „человеком, которого его гений мог поставить среди героев, но которого темнота нации и каприз судьбы осудили пребывать в рядах знаменитых авантюристов“ (II, с. 68).

Петру Лесюр приписывает меру, которой тот не предпринимал (обложение всех жителей Украины подушной податью в 70 коп., что „было явным нарушением казачьих вольностей“), и планы посылки на Украину воевод, замены ими старшин, введения немецкой дисциплины среди казаков и разрушения Сечи (II, с. 84-5). Вообще, по Лесюру, Петр I хотел подчинить казаков общим законам Империи и поставить их в положение рядовых граждан“ (II, с. 82).

Скоропадский, сменивший Мазепу, принял от имени царя, но из рук Меншикова, знаки гетманского достоинства, „призрачные знаки власти униженной и уже, собственно, не существовавшей“ (II, 98). После провозглашения Петра императором, Украина вынуждена была принести присягу, вместе со всей Империей, по общеимперской формуле. „Эта присяга, данная без оговорок (о правах Украины), уничтожила ее неза-

висимость“ (II, с. 149). Соображение не лишнее интереса!

Екатерина II отменила гетманский „регент“, чтобы даже в Разумовском, как гетмане, „не встречать сопротивления со стороны вождя богатого, гордого и могущественного“ (II, с. 191). Лесюр не был осведомлен, что старая полковая организация украинского казачества и местной администрации не существовала уже в XIX веке ни на Украине, ни в Слободской Украине (ср. т. II, 252-3).

Очень много места отвел Лесюр и донским казакам. Он полагал, что они сорганизовались в Войско еще до 1549 года, так как „в этом году они добровольно соединились с Россией“. Лесюр полагал, что донцам и их флотилии Петр I был более обязан победой над турками под Азовом, нежели своему новому флоту. „Оплачивая их (донцев) услуги, Петр, однако, заметил неудобство иметь в сердце своих владений независимую милицию, всегда опасную, когда она перестает быть полезной“. Боясь беспорядков, которые могли бы возникнуть при бездеятельности донцев (в мирное время), он возложил на них обязательство снабжать провиантом русский Азов и поручил их надзору Азовского губернатора. „Чтобы уменьшить их национальное могущество“, Петр, будто-бы, „отделил украинских казаков от их донских братьев, дал донцам одного атамана, который ничего не мог предпринять без царского согласия“, обратил их к занятиям земледелием и торговлей и воспретил принимать беглых из России (II, 78). По сведениям Лесюра (из Перри и Штраленберга) подавление Булавинского бунта повлекло гибель 20.000 и эмиграцию 10.000 донцев „в Татарию“ (т. е. на Кубань). Эти эмигранты, в составе отряда Ислам-Гирая, в 1711 г., сожгли по Дону ряд селений, истребили 5-6 тыс. русских крестьян и ушли назад с богатой добычей (II, 79, 132).

О Даниле Ефремове Лесюр не знает ничего, но о Степане („Jewgimoff“) сообщает, что правительство хотело завладеть его стадами и серебром, а когда тот не дал, сослало его в ссылку (II, 234-235).

Пугачеву приписывает Лесюр план объединить под своею властью „орды“ недовольных татар, донских казаков, примкнувших к нему яицких, украинских и, особенно, запорожских казаков (Лесюр думает, что последние были уже лишены своих земель), освободить крестьян, истребить дворян и „уничтожить основные законы Империи, ниспровергнув трон, если уж нельзя будет ему на нем сесть“ (II, 226).

Потемкин был „гетманом всех казаков“. При нем произведены реформы военной организации казаков, выгодные для Империи“ (II, 242). О политическом смысле событий 1775 г. — ни звука, кроме уничтожения Сечи.*) Последнее событие поразило европейцев. Об истории 1793 г. у Лесюра ни слова; сказано лишь мимоходом, что к первоначальным 1500 черноморцам присоединили еще 12.000 запорожцев, „коих террор (1775 г.) рассеял по Украине и по Крыму“, да еще „всех тех, коих принудили покинуть дорогие берега Дона и могилы отцов“ (II, 243). По мнению Лесюра, черноморцы заняли древнюю „Касахию“ Константина Порфирогенета, и „взмахом пера императрицы“ казаки возвращены на свою „п-р-о-д-и-ну“.

В царствование Павла „коему доставило столько удовольствия ниспровержение памятников Екатерининской политики, Донские казаки были, казалось, призваны вновь в полной мере воспользоваться своей былой независимостью“, но повеление Павла о восстановлении устройства, разрушенного Потемкиным, было исполнено лишь отчасти; после смерти Павла политика Екатерины (в отношении казаков) возобновилась (II, 246).

Описывая современное ему положение казаков, Лесюр воображал, что Украина все еще сохраняет свое устройство 1764 года, только без гетмана (II, 253). Он делает тонкое замечание, что осваиваемые Импе-

*) Польскую — правобережную Украину, русскую — левобережную и Запорожье (II, с. 24-24).

*) Это событие отмечают все французские историки. Лесюр перепечатал весь указ в приложении (II, 337).

рией казаки постепенно перестают иметь свою собственную историю.*)

Донцы (в 1812-13 г. г.) составляли „главную ветвь казачьей нации“. Лесюр полагал, что они все еще „сохраняют род военной демократии, коей основы подтачиваются ежедневно роскошью и надменностью“ донских дворян. Дарование Павлом дворянского достоинства детям казачьих полковников было „новшеством, которое старые казаки рассматривали, как противоконституционное“ и которое казалось Лесюру „противоречивым намерению этого государя восстановить старинное устройство“ на Дону и устанавливающим между казаками „род аристократии“.

Лесюр думал, что все донцы (а не одни лишь дворяне) пользовались своими привилегиями, правами и учреждениями, имели свои собрания (assemblées) и самооблагали себя незначительными сборами на общие нужды (II, 265). Однако, донские „регалии“ (знамена, буланы, Екатерининская карта Земли Войска Донского 1793 года и грамоты**) казались ему скорее свидетельствами о подчиненности, о подданстве Войска, нежели об его державности (II, 268).

Лесюр верил, что все остальные казаки Войска того времени зависели, в известный период своего существования, от донцев. Так, по его мнению, черноморцы подчинялись Донскому атаману в 1812 г. (II, 284); зависимость терцев от Дона прекратилась лишь в 1708 году (II, 286); волжские казаки перестали зависеть от Дона в 1734 г. (II, 288). Зато Яик, истинная донская колония, по мнению Лесюра, никогда не зависел от Дона, войдя непосредственно под протекцию России и получивши подтверждение их конституции, подобной во всем донской (II, 293).

Военное и гражданское существование казаков казалось Лесюру „одним из самых замечательных явлений, которое представляют российские владения, это удивительная смесь стольких наций, отличных одна от другой по языку, нравам и обычаям“ (II, 307). В казаках он видел „нечто азиатское“ и предлагал приглядеться к ним писателям, приписывающим им русское происхождение“. Отличие казаков от русских он описывал по Кларку***) „Казаки, страстные защитники независимости, которую они никогда не умели пользоваться, образуют еще, в силу их федеральной*) военной и гражданской конституции своей, особый класс в русской нации“.

Оценивши военные качества казаков, что вполне понятно, принимая во внимание время написания его работы,**) Лесюр снова возвращается к общему вопросу о казачестве. „Существование этой своего рода республики в лоне великой империи есть политическая несообразность, достойная размышления“...

Самую яркую из анти-русских книг 1812 г., вышедших в Париже, была брошюра Писсо „Исторический очерк о Казаках, нации (находящейся) под русским

*) На это в остроумной форме указал Радищев, в своем „Путешествии“ по поводу Новгорода, летописи которого так богаты событиями до уничтожения независимости, и так бедны при царях, а еще более в период империи.

**) Лесюр наивно предполагал, что это „древние рукописи, где рассказывается о былых подвигах донцев“, стало быть, нечто вроде летописей.

***) См. в статье об „Английском казакофильстве“.

*) Мы не вполне понимаем, что хотел сказать Лесюр этим словом.

**) Лесюр уверял, что „казачья пехота“ неосмеливается больше показываться во время боя; что во главе казачьих полков стоят атаманы или polkoniski (очевидно, „войсковые старшины или полковники“); что казак выбитый из седла — „легчайшая добыча врага“ — подобно сарматам Тацита, спешит заметить Лесюру; что самая характерная черта казака — это „ужасающий инстинкт грабежа и разрушения“; что военачальники вынуждены терпеть этот грабеж — „род национального права“ у казаков и т. п.

владычеством*).) Самое наименование казаков наций, угнетаемой русскими, обещание — в длинном заголовке — рассказать о не-русском происхождении казаков, их величии и их упадке, — все это ясно говорит, в каком духе писал Писсо. „Нынешний“ (1812-й) год казался автору наиболее удачным для издания его труда: Россия стала театром военных действий.

Писсо хотел представить публике „историю нации, которая хотя сейчас и находится в подчинении России, тем не менее заставляла трепетать в течение нескольких веков эту державу, равно как Польшу, Татарию и Оттоманскую Империю“. Писсо ожидал благосклонного приема со стороны французской публики своему труду, изображающему „происхождение, установление и возрастание, величие и падение сего воинственного народа“.

Казаков делил он на три разряда: Kosaki Porovi (так он зовет повсюду запорожцев), Kosaki Donski и Kosaki Jaiki (очевидно, яички). Страна „поровых“ казаков — Украина и часть Волыни. Язык их — смесь польского и русского (russienne), однако же ближе к польскому. Вера греческая, как в России, но „среди них много католиков и лютеран“ (!)

Донские казаки живут на Дону и... на Днепре, начиная от южного берега р. Гнилой Донец. Внешний вид, достоинства и пороки их — такие же как и украинских казаков. Одеты донцы „в обычный русский костюм, но не совсем такие же грязные“ (!). Они — „отчаянные морские разбойники (pirates) и очень ловкие партизаны“... „Как и украинские казаки донцы исключительно пехотинцы, (!) чрезвычайно редко увидишь к.-л. казака на войне верхом на лошади“ (!!). По видимому, Писсо, хотя и парижанин, но не заглядывал на набережные, где десятки букинистов выставляли массу эстампов и с изображением казаков (всегда на коне).

Яички казаки, — уверял автор, — грубее других казаков, их язык — смесь татарского с калмыцким и „древним языком их края“ (Писсо умалчивал, как именовали). Они — православные, но сохраняют еще много „магометанизма“ и язычества (!).

Казачья нация, — говорит далее Писсо, — составилась из украинских крестьян, создавших „род республики“. Украинских крестьян гнали сюда: отвращение от труда, вкус к независимости, любовь к грабежу и, быть может, желание отомстить татарам. За ними бежали сюда — уголовные преступники; несчастные, лишённые имущества и защиты; беспокойные и антиобщественные элементы; разорившиеся в конце дворяне.

Поляки, видя, что казаки могли бы быть полезны против татар и России, „предложили им свой союз и взяли их торжественно под свое покровительство на сейме 1562 г.“ За казачьей спиной Украина стала цветущей страной, но польские магнаты позахватывали земли и стали обращать казаков в своих крепостных. Восстания, казачьи войны заставили казаков обратить глаза на Россию. Они остались за этой страной, „под условием, что ничто не будет изменено в их конституции и их внутренней жизни, под условием свободы от податей и т. д.“...

Однако, „этот народ, слишком ревнивый к своей свободе“, не мог примириться с владычеством России. Борьба кончилась поражением казаков и уничтожением гетманства.

Донские казаки с 1549 г. добровольно вошли под покровительство России, почти на тех же условиях, что и казаки Украины, принявшие позже покровительство Польши. Потом им „подрезали крылья“, и теперь они мало чем отличаются от прочих русских подданных. У них был свой „гетман“, но со времени Петра эта должность уничтожена (?). Яички казаки добровольно поддали русскому владычеству.

Автор полагал, что из своего устройства казаки потеряли собственно лишь право выбора атамана, но тут-же, описывая жизнь казаков, добавляет, что ата-

*) „Précis historique sur les Cosaques, nation sous la domination des Russes; leur origine, établissement et accroissement; leur grandeur et abaissement; leurs mœurs et usages“. Par N.-L. Pissot. A Paris, MDCCCXII.

манов они выбирают (в „настоящем времени“) из членов „своей нации“, что атаман, всемогущий в военных отношениях „до того, что может приказатъ четвертовать казака или „перерезать ему горло“, по общим делам ограничен „радою“. В этом общем совете всех казаков атаман пребывает стоя, с обнаженной головой, под „знаменем нации“. Ему приходится чаще преклоняться пред волей народа, чем повелевать, и приглашать и убеждать более, чем принуждать. „Более ревнивые к своей независимости, чем какой либо другой народ в мире, Казаки защищали ее некогда с большим жаром, нежели свою собственную жизнь. Все их недостатки способствуют укоренению в них любви к свободе; они обыкновенно высокомерны, непостоянны, злы (méchants) до злодейства... Притворство и ложь, явные признаки мелочности духа, у них сходят за признаки гениальности: чем казак вероломнее, тем ему более почтения от его нации“... Автор высоко оценивал военные качества казаков, но это уже выходит за пределы темы.

Читая его, ясно ощущаешь, как он колеблется. С одной стороны, казаки несут Франции огонь и меч, с другой — они могли бы оказаться союзниками против России. Как ни вздорны многие утверждения автора, как ни глубоко его невежество, главное значение и в 1812 году, и позже, имел и имеет заголовок его книги: крупными буквами он провозглашал, что „Казаки — нация под владычеством русских“! Понимать ли слово „нация“ наивно, в одном лишь этнологическом смысле, или понимать его в смысле политическом, считая казаков — потомками граждан самостоятельных республик, самостоятельных — независимо от русского или не-русского происхождения этих граждан, — все равно — французский публицист напоминал о подавлении Россией политической свободы и независимости (хотя бы и ограниченной) казачьих республик.

Два писателя: Бретон и Дамаз воспользовались этой эпохой, чтобы выпустить обемистые сочинения о России, — компилятивного характера. — в которых много места было отведено казакам. Дамаз выпустил 2 тома.*) Он отмечал, что Россия — многонациональное государство (т. II, с. VII пред.) „Начиная от жителей Лапландии и кончая камчадалами, — восклицал он, — сколько малых народов, диких орд, бродячих племен, коих нравы, язык, даже их края, весьма отличные от остальной Империи, остаются неизвестными даже для русских, состоящих с этими народами в сношениях только по вопросам о взимании с них налогов или набора новобранцев“. Сюда относил он и казаков. **) Происхождение их он описывал по Кларку и Пейссонелю и уверял, что оно идет от обитателей „Казакки“ (Chasakia), являвшейся в свою очередь провинцией Черкассии (Circassia).***) По его словам, „казаки образуют род вольной и независимой республики, они не зависят почти совершенно от Императора Всероссийского и лишь посылают ему на службу вспомогательные войска“.

Делятся они „на станции [Дамаз поясняет: *maîries* — мэрии]. Каждая станция управляется ежегодно избираемым атаманом. Наконец, он сообщает, что казаки „ненавидят малейший намек на угнетение и весьма ревнивы к своей свободе“ (т. II, с. 438).

Книга Бретона***) была издана в семи томиках, и

*) M. Damaze de Raymond „Tableau historique... de l'Empire de Russie“, Paris, 1812, 2 vs.

**) Том II, с. 436; пред. с. III.

***) Breton (de la Martinière), „La Russie on moeurs, usages et costumes. Extrait des ouvrages Anglais et Allemands les plus récents. A Paris, 1813.

текст, извлеченный из немецких и английских авторов, должен был служить лишь дополнением к сотне иллюстраций. Из-за этих гравюр сочинение Бретона очень ценится. Текст не так плох, как можно было бы ожидать. Казаки происходят, по мнению Бретона, от „беспокойной банды беглецов“ разных народов (т. III, с. 101—103). „Старшины (*principaux de la nation*) избираются всенародным собранием, но утверждаются императором“, язык — „смесь русского с польским“ (т. III, с. 106—107). Общую характеристику казаков, весьма сочувственную, автор по-просту перепечатал из Кларка (tom I, Préface, p. XXV). Оттуда же взяты сведения о Донских казаках (т. IV, с. 139 и сл.) и о Черноморских (т. V, с. 1 и сл.).

Сочинение самого Кларка, роскошно изданное в Лондоне, в 1810 г., было переведено на французский в 1812. Переводчик снабдил его примечаниями двойного рода; во-первых, он поместил в них часть описания путешествия на Дон и на Кубань француза Гебера, во-вторых, без всякой симпатии трактовал самих англичан (тоже — врагов Франции) в связи с жестокими и часто несправедливыми нападениями Кларка на русский народ. Но само переиздание по французски восторженных похвал Кларка казачеству лишь способствовало тогдашнему взрыву казакофильства среди французов.*)

Надежды Наполеона на Украину были не совсем уже неосновательны. Дочь писателя гр. В. В. Капниста, София Вас. Скалон рассказывает в своих воспоминаниях,**) что брат отца ее, Н. В. Капнист, спросил В. В. Капниста, что он будет делать, „если Бонапарт пойдет на Малороссию“?... „Какие будут ваши планы и куда вы утечете“?...

Мой отец отвечал:

— „Я никуда не намерен уходить; зная хорошо Малороссию и будучи любим ею, я надеюсь поставить ее на ноги и, вооружа, изгнать его со стыдом из наших пределов.“

— „А я не так думаю, — сказал Николай Васильевич, — я сам пойду к нему навстречу с хлебом-солью, к этому умному человеку“...

Нужно вспомнить, что другой брат этих Капнистов — Петр, долго живший в Париже, в 1791 г. добивался в Берлине у прусского министра Герцберга обещания Пруссии взять Украину под свою протекцию на случай восстания, если земляки его, доведенные до отчаяния тиранией русского правительства попытаются с себя сбросить русское ярмо.

Что касается Дона, то до известного момента Наполеон хранил надежду, что ему удастся поднять Дон во имя свободы и независимости. Русское правительство получало предупреждения, что „Платов уведет казаков к Наполеону“. А Платов был заключен при Павле I в Петропавловскую крепость, а потом сослан в Кострому, именно, в связи с подозрением в сепаратизме.

Однако, донцы дружно выступили в 1812 г. против Наполеона, едва не захватили его в плен самого (и захватили бы, если бы не увлеклись добычею в захваченном обозе). Под Лейпцигом они спасли от плена союзных монархов, вступили в 1814 г. в Париж, три дня стояли лагерем в Елисейских полях, купали лошадей в Сене; потом сопровождали Наполеона в изгнание, охраняя его (по дороге на Эльбу) от ярости роялистов. За это время французское казакофильство сильно увяло.

*) E. D. Clarke „Voyages en Russie“ etc., Paris, 1812, 2 vol.; по англ. — „Travels“ etc. London, 1810.

**) „Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х г. г.“, М., 1931, с. 320.

Ко всем тем, кто обращается в редакцию с вопросом о том, когда будет В. К. с'езд.

Время созыва с'езда еще не назначено. С'езд будет тогда, когда будут собраны нужные средства и когда позволит созвать нам его внешняя обстановка.

О времени созыва с'езда будет объявлено своевременно. Точно также будет заблаговременно опубликована и его программа.

А. Ленивов.

К истории образования Калмыцкого казачьего Войска в 1917 г.

(Историческая справка).

В 1917 году калмыки Астраханской губ. решили перейти в Казачество, введя в своей среде формы казачьего управления и казачьей военной службы, но сохранив, как территорию, так и веру, язык свой и уклад национального быта.

Первыми шагами в этом направлении явились переговоры калмыцких князей — Тундутова и Тюменя (по частной инициативе) с членами Войсковых правительств Донского и Астраханского казачьих Войск, ведомые еще в месяце июне 1917 года. Первоначально Астраханские калмыки предполагали войти в состав Донского Войска, именно на автономных началах, т. е. образовать автономную национально-территориальную группу Астраханских калмыков совместно с Ставропольскими и калмыками-казаками Донскими, Особую активность в деле перехода калмыков в казачество проявило калмыцкое духовенство и именно в западных улусах (Мало-Дербетовском, Манычском и Ике-Цохоровском), между тем, как в Баге-Цохоровском, Эркетином и Яндык-Мончажном духовенство занимало по этому вопросу нейтральную позицию.

24 и 25 июля 1917 года в городе Астрахани состоялся второй с'езд представителей Калмыцкого народа, в составе 116 делегатов от Астраханских калмыков, 2 делегатов от Кумских (терских) калмыков, 9 делегатов (без решающего голоса) от Больше-Дербетовских улусов (Ставропольских калмыков) и 9 делегатов (также без права решающего голоса) от Донских калмыков-казакów.

22 июля имел место и с'езд представителей калмыцкого духовенства в Калмыцком Базаре. Как один, так и другой с'езд вынесли постановление о необходимости перехода калмыков в Казачество. Необходимо указать, что аналогичное постановление было вынесено и объединенным заседанием участников обоих с'ездов, при чем заседание велось на калмыцком языке и носило конспиративный характер.

В конечном итоге 2-й с'езд представителей Калмыцкого народа вынес следующее постановление от 25 июня 1917 года: „Калмыки Астраханской губернии, созванные 25 июля с. г. в гор. Астрахань, обсудили политические и экономические вопросы жизни своего народа в связи с общеполитическим состоянием империи и, имея в виду складывающиеся перспективы разрешения социальных вопросов, выслушав делегата Союза Казачьих Войск Серезникова и всесторонне обсудив этот вопрос, постановили: перейти в Казачество, для чего ходатайствовать перед Всероссийским С'ездом Казачьих Войск о причислении их в свою среду и причислить к Донскому Казачеству с правом сохранения за Калмыцким Казачеством, ново-образовавшимся, права территориальной, административной областной единицы в современных ее границах, с тем условием, чтобы ее вышеозначенные области и калмыцкие казачьи станицы Сальского округа Донской области были включены в одно национально-территориальное целое. Делегатами на Всероссийский с'езд казачьих Войск избраны: князь Тундутов, есаул Бальзанов, С. Б. Баянов.“

Копии этого постановления были препровождены, как в гор. Новочеркасск в адрес Донского правительства, так и в адрес Совета Союза Казачьих Войск, находившегося в Петрограде; одновременно с этим выехали в Новочеркасск кн. Тундутов, ес. Бальзанов и прис. повер. С. Баянов.

Вслед за этим с'ездом в центральный комитет по управлению Калмыцким народом (Криштафович, Ноха Очиров, Санджи Баянов, Бадьма-Ара Шонхоров, князь

Тундутов) стали поступать приговоры улусных и аймачных сходов калмыцкого народа с ярко выраженным желанием о переходе в Казачество. Так, в приговоре калмыков Ике-Цохоровского улуса говорится: „Казачья служба для нас, калмыков, является более приемлемой, так как калмыки — хорошие наездники-специалисты по естественно природным условиям жизни нашего народа“.

28 июля 1917 года в гор. Новочеркасске состоялось экстренное совещание при участии Донского Правительства, представителей Совета Союза Казачьих Войск, Кубанского, Терского, Яицкого Войск, а равно и Астраханских калмыков. Совещание, происходившее под председательством Атамана Донского Войска ген. А. М. Каледина, вынесло постановление о необходимости принятия калмыков Астраханской и Ставропольской губерний в среду Казачьих Войск, предоставив самому Калмыцкому народу право решить вопрос о присоединении к Казачеству.

Таким образом, вопрос о вхождении Астраханских калмыков в состав Донского Войска принял несколько иные формы, чем это предполагалось на калмыцких с'ездах. Проект Калмыцкой автономии оказался неприемлемым для Донского Казачества, ибо он требовал значительного времени для своего осуществления, а самое главное — соглашения заинтересованных групп, именно донских казаков и калмыков.

В конце сентября 1917 года Астраханские калмыки решили присоединиться к Астраханским казакам, как-то и приняли первых (калмыков) в состав своего Войска на Большом Войсковом Круге. Именно с этого момента Астраханские калмыки устанавливают формально свою принадлежность к Казачеству. После большевистского переворота, в Урочище Яскуль собрался Большой Войсковой Круг Калмыцкого казачьего Войска, который и избрал своим председателем князя Тундутова при секретаре Н. Очирове. Этот круг выработал конституцию Калмыцкого казачьего Войска, а равно и принял постановление о вхождении в Союз Юго-Восточных народов. Согласно принятой Конституции, Центральный Комитет по управлению Калмыцким народом был переименован в Войсковое Правительство, улусные земские управы в окружные управления, председатели управ приняли наименование окружных атаманов, а областное земское собрание стало именоваться впредь „Малым Законодательным Кругом Калмыцкого Казачьего Войска“.

Большой Войсковой Круг Калмыцкого казачьего Войска в заседании своем от 23 декабря 1917 года избрал Войсковым Атаманом гвардии ротмистра князя Данзана Тундутова, председ. Войскового прав. В. Криштафовча, тов. предс. Ноха Очирова, старшинами Санджи Баянова, О. Воскомунева, нойона Тюменя и занга Сарангова, при чем С. Баянов был избран председателем Калмыцкого казачьего Войска в Правительство Союза Юго-Восточных народов. Тогда же были назначены и окружные атаманы: Бага-Цохоровского и Хошутыевского — князь Тюмень, Мало-Дербетовского — О. Босхомджиив, Манычского — Г. Бальзанов, Ике-Цохоровского — В. Ташуев, Яндык-Мончажного — Мещеряков.

По закрытии Войскового Круга Калмыцкого казачьего Войска Войсковое правительство последнего приступило к формированию калмыцких войсковых частей.

Еще о Кубанском гербе.

В специальной статье М. Бытынского, посвященной казачьим гербам (см. Календарь-альманах В. К. на 1930 г.), были критически и геральдически разобраны все казачьи гербы и были поданы проекты гербов применительно к требованиям идей и задач Вольного Казачества.

Кубанский герб в указанной статье, согласно вольно-казачьих требований, запроектирован был как герб так называемый „соединенный“, т. е. в одном гербовом общем щите посредством геральдического „соединения“ должны бы были уместиться главные исторические кубанские эмблемы старого и нового времени: в правом серебряном поле герб Черноморских казаков (переведенный из печати 1792 г.) — рыцарь-запорожец с малиновой хоругвью, а в левом трехцветном скошенном поле по цветам кубанского флага золотая вышка, принятая фактически за эмблему во время последней освободительной борьбы.

И вот, поскольку относительно самого подбора главных гербовых эмблем в запроектированном кубанском гербе нечего спорить и приходится признать этот выбор совершенно удачным, все же остается еще исправить на более удачный геральдически способ размещение тех эмблем-фигур на гербовом щите. Не затрагивая и не изменяя тех эмблем, т. е. не изменяя герба по содержанию, стоит изменить кое-что в кубанском гербе из соображений чистоформальных; это было бы прежде всего лучшее упорядочение герба с целью более ясного его цветного представления. Мы здесь и предлагаем такое новое изменение.

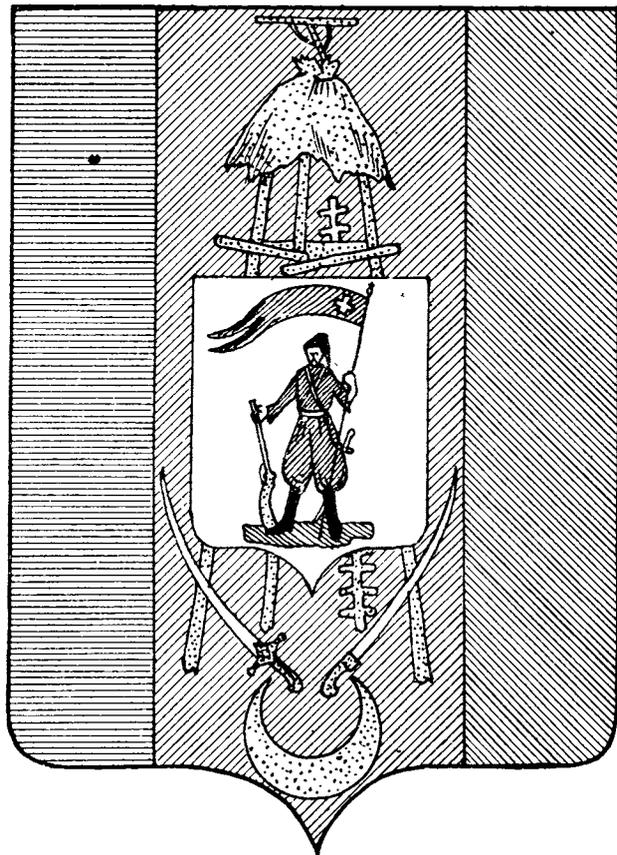
В предложенном ранее кубанском гербе не совсем удачно разрешен вопрос трехцветного фона (синий, малиновый, зеленый) в левом поле щита. Это возникло из желания представить такой фон повторением цветов кубанского флага. Наилучший способ употребления кубанских цветов в узком поле щита был почти единственно возможным, как способ скошенной комбинации. Но все таки надо признаться, что эта комбинация не есть удачной, ибо вызывает неприятную пестроту левого полуполя щита, что вместе с правым серебряным полуполем делает для глаза тяжелое дисгармоническое соединение.

Это возникло, безусловно, по той причине, что проект кубанского герба разрешался первоначально лишь по принципам чисто историческим, без внимания к требованиям эстетики; и потому в этом разрешении был употреблен геральдический способ „соединения“ гербов, который теперь кажется нам, в виду требований эстетических, неудачным, требующим исправления. Для лучшего и более удачного размещения гербовых цветов в кубанском гербе мы и предлагаем здесь иной геральдический способ, называемый „расширением герба“.

Построенный по этому способу кубанский герб представлялся бы так: щит гербовый был бы „рассечен“ в три цвета, т. е. фон его или поле складывалось бы из трех цветных перпендикулярных полос — синей (голубой), малиновой, зеленой; средней почти вдвое шире боковых согласно с цветами кубанского флага. В средней малиновой полосе умещалась бы золотая вышка, под ней сабли и полумесяц, т. е. на малиновое среднее поле перенеслись бы целиком фигуры-эмблемы с левого поля щита в первоначальном проекте, а две боковые полосы оставались бы свободными от фигур.

Такое размещение фигур и целого гербового поля производит более спокойное внешнее впечатление, чем

в первоначальном проекте, который кажется будто переобремененным пестротой цветов. Остаются еще для вмещения в герб фигуры и цвета старого исторического времени — рыцарь-запорожец с малиновой хоругвью в серебряном поле, эмблема Черноморского Войска. Вот здесь то и будет уместным применение геральдического

способа „расширения герба“. На „груди“ вышки или иначе, в центре большого общего гербового поля вмещается меньший, так называемый „малый“ серебряный щит с фигурой рыцаря-запорожца, т. е. правая сторона первоначально проектированного гербового щита переносится целиком в виде отдельного малого щита на „грудь“ главной фигуры — вышки. Этот способ, не изменяя, как было уже замечено, содержания герба, является несомненно, более соответственным для его упорядочения чисто эстетического; поэтому мы такое изменение формальное и предлагаем.

В сущности, новый проект кубанского герба довольно долгое время и часто фактически уже употреблялся В. К. и в проекте „большого государственного герба Казакии“ точно списан и блазонирован. Сейчас же мы подаем настоящую заметку лишь как краткое необходимое разяснение к тем изменениям, которые фактически произошли уже ранее.

Весьма ограниченное количество полных комплектов журнала „В. К.“ может быть продано еще в цене: в ĆSR — 400 кч., за границу — 15 америк. долларов.

Отдельные комплекты за 1927-28 и 1929 года не продаются.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 года продаются: в ĆSR по 100 кч. за год, а за границу — по 4 ам. долл. за год.

Думы и мысли.

Философы и казаки.

Существовали, существуют и нет основания предполагать, что не будут существовать и в дальнейшем великие мыслители философы и казаки.

Первых читают, перечитывают, изучают, затем проводят мысли их о благе человечества в жизнь. Принимаются за уничтожение главного зла на земле — неравномерного распределения богатства между людьми, — благодаря которому для одних (огромнейшего большинства) Земля-матушка — злая мачеха, а для других — любвеобильнейшая мамаша.

Вот и распределение богатства произошло, но воз с большинством все на старом месте и в старом положении: в грязи, в поту, в крови. Невольно здесь, вспомнишь про дедушку Крылова с его Лебедем, Раком и Щукой, которые когда-то „везти с поклажей воз взяли“.

Происходит так с возом единственно потому, что из за классов, сословий, партий, законов, положений, установившихся мнений все старатели тянут воз в разные направления: кому куда выгоднее.

Не знаю, как страдают взявшиеся за бремена, но возу не легко: наклоны, уклоны, повороты, критические положения (понимай разные кризисы, или драки между возчиками) делают над ним свое дело.

Не легче ему, бедному, будет, когда один из старателей, взявши кнут и разогнавши остальных, впряжет тройку чужих коней, стегнет или сразу по всем трем или сначала по пристяжным, а потом по коренному, или наоборот — сверху ему виднее — и помчит полным махом или вправо или влево, а то и круто назад. И как тут не вспомнишь Гоголя и не воскликнешь: „Ну что за Тройка! не кони, а птицы!“ Посторонись, посмотришь вслед да и подумаешь: — „а вдруг оси не выдержат, тогда и тому, кто внутри, и самому лихому ямщику капут!“

Пройдет время, если оси были крепкими, выдохнутся бешеные кони, утомится возница, заснет, да по тем или другим причинам и не проснется, и — около воза опять старые знакомые — лебедь, рак и щука. Так было есть и будет.

Вторых же, т. е. нас, казаков, как носителей той же идеи о справедливости на земле и практических ее исполнителей, никто не изучал, не изучает, кроме заклятых врагов всего человечества — коммунистов. А надо бы, ибо благодаря нас если и не сам по себе сдвинется воз с места, то усилиями возницы, которому вручат свою судьбу сидящие внутри. Значит, и кони будут запряжены соответствующие, да и на ухабах, толчках, поворотах свой-то человек будет поосторожнее, да и об осях этот человек нет, нет да и вспомнит, если погонит коньков побыстрее. А чужому ямщику — что?! — Воз не свой, кони не свои, кнут чужой — погоняй лишь да не стой!

Такое пренебрежение к изучению нас, казаков, вполне понятно даже и со стороны нашей молодой интеллигенции, ибо, что может быть хорошего из Назарета (т. е. из станицы, или из деревушки), вот от книжника или фарисея из Иерусалима, Лондона, Парижа, Нью-Йорка, из академии или других рассадников ума — дело другое... Тут уж, будьте уверены, все будет согласовано без коренной ломки основных общечеловеческих понятий, терминов и т. д. и т. д. А надо бы скорее изучать, пока не переумерли те (главным образом старики), которые знают толк в Казачьей оси и могли бы сказать взявшему вожжи, где можно воз двинуть побыстрее, а где и слезть самому, чтобы пощупать ось, да и в воз заглянуть в предупреждение каши.

К чести нашей казачьей, нельзя сказать, что кто либо из нас не думал и не гадал о судьбе Казачества, так или иначе не останавливался на физическом или нравственном Его облике. Беда только в том, что одни из нас всеми силами разума и рук отстаивают физический облик, т. е. материализацию Казачества и все возможности, которые могут произойти от этого: экономическое развитие Родных Краев, до степеней Аме-

риканизации. Избави Бог! Таких щук разведем около казачества или в казачестве, что не успеем оглянуться, как огделимся от земли и в тину к ним попадем (американизация — новый термин, означающий темп работы в Америке на фабриках и заводах для быстрейшего обогащения одних, со слишком ранними могилами для других, имеющий под собой самое незаконное основание для соревнования с дьявольским расчетом на людскую алчность и страшную безработицу).

При чем, этими поборниками казачества мало обращается внимания на нравственный облик казака: верность своему слову, стойкость, способность к переносу всевозможных лишений, одним словом „на боевое“, т. е. на самое главное, что должно быть в нас, от первого до последнего, при осуществлении первой части вольно-казачьей программы.

Вторые обращают все внимание именно на нравственный облик, и со стороны первых объявляются во всеуслышание изменниками казачьих заветов, старины, и все это на основании таких то и таких то исторических данных.

У массы же казачьей, которая в возу, развилась от всего этого нервная болезнь, имеющая меткое научное название „кликушество“. Это начало вырождения.

А ведь, если бы масса понимала, как Запорожцы и Уральцы, толк в казачьей оси, она задала бы первым такой вопрос: „А знаете ли вы сами то Дух стариков?“ — „Конечно!“ — последовал бы ответ: „в куль да в воду всю эту старшину!“ (? ред..)

Погладили бы уральцы свои бороды, схватились бы хохлачи за свои чубы да и прыснули бы все со смеху, а потом бы и сказали: Ишь кровожадные какие! Значит и вас всех в воду за то, что вы тянете нас на Европу быть похожими!

И насмеявшись вдоволь, добавили бы: Ни у тех, ни у других вины особой нет, а только недоглядка — не посмотрите на ось, она давным давно погнута! Живите!

Так как собрание, как видно, в благодушном настроении, то оно, конечно, на этом и не разоидется и может выслушать от нового поколения и кое что новое, примерно такое: „Мы вот, как побывавшие во всех государствах всего мира, хотели бы влить новую струю на основании самых новейших учений и теорий, разговора с самыми умнейшими людьми, в устаревшие уклады...“

Бороды и чубы прослушали бы все до конца, а потом и ответили бы: Что ты нам, казаче, волынку то гнешь, или мы сами не бывали в Туретчине, в Польше, на Кавказе, в Москве, в Хиве, на Амуре, на Дарье... и не знаем, что лучше нашего казачьего уклада нигде и не сыщешь! Только при нем и живет хорошо простому люду, кто в Бога верит, и сам молодец! А вдруг при вашем руководстве курганы, поля и все приволья, о которых вы складываете песни, в частные руки попадут?! И вновь казак не будет знать, когда враг придет, за свою он землю дерется или за панскую?! Своих то прав может к этому времени у него и не оказаться. Живите! И тут вы не виноваты: известно, при кривой оси колеса не по колее идут и друг другу шлях портят!..“

Я думаю, что все казачьи партии, а не только Атаманско-Старшинская или Вольного Казачества грешат недосмотром Оси Казачества и в то же время морального Его стержня — состояния Его общинных земель и угодий.

Принимая же за основание духа казачьего какую либо одну из присущих казачеству черт, выработанных и заложенных в казаках еще с тех времен, когда ось казачества не была погнута, строят на ней, как на базе, кому что только вздумается.

Любовь казака к труду, к знанию, со способностью к сравнению своего с чужим, дает некоторым возможность мечтать об американизации казачьих земель.

Боевые качества возносят мечты у других до вос-

становления прежних границ России, а м. б. и с прихватом Индии и Китая.

Уважение казаков к старшим — опытным, бывалым — давало и дало возможность насадить им чиновничество до отказа, с преклонением перед погонами, с вывертами, поворотами и прочими казарменными выдумками, совершенно мешающими подойти к казачьей душе. (Из простого для казака понятия о воинской вежливости сделали какой-то перед кем то долг. Кому неизвестно выражение: у казака глаза должны быть и на затылке, чтобы во время увидеть начальство).

Само собой разумеется, что каждый ищет союзника для казачества, смотря на ту или другую черту Его: одни тянут к Европе, Америке, доказывая правительствам всех стран, что мы в праве быть наравне с ними, а на основании этого требовать и помощи от них.

Другие, не отказываясь от внешней помощи, рассчитывают и на таланты русских полководцев, очутившихся за границей.

Третьи льнут к каким либо русским партиям, оглаваемым Милюковым ли, или Керенским, или кем похуже или лучше — все равно. И все по своему правы!

Правы и потому, что у всех один и тот же враг: красный хам. И все нас будут к себе принимать, но с неперменным условием, которое всегда нами чувствуется: быть где то на запятках, а где и в первую голову. Но со своей „основой основ“ (Казачьей осью) мы никому из них не будем по душе. Значит, выбирать себе союзников на вечные времена теперь более чем преждевременно.

Я не удивляюсь, что при звоне о свободе из красного Кремля казаки донцы не могли не откликнуться, и казаки помогли красной Москве.

Но я и теперь удивляюсь и приношу искреннее восхищение и удивление покойным Атаманам Каледину, Назарову и отошедшему от власти Краснову: поднять крепостное военное сословие, каковым донцы фактически были (? ред.) ко дням свободы русского народа, это означает недюжинные способности и необычайную силу воли.

У нас, в Уральском Войске, получилось по другому: воля вошла во всех казаков, как только они увидели, что ни одному негодяю из комиссаров державцев верить нельзя, а из за казачьего нашего уклада опасность грозит абсолютно всем. Но дальше казаки сделали рожу (но не их тут вина целчком), не отдав эту волю сразу в одне руки в лице Атамана, хотя в Войске были вполне достойные этого люди: М. Ф. Мартынов, С. Г. Курин, В. И. Акутин. И, возможно, получилось бы, что для собственной безопасности мы, уральцы, вновь трягнули бы Москвой (красной). Говорю это я не без оснований: уклад то наш казачий с краугольным камнем об общинной земле с угодьями приходится по вкусу не только нам, казакам. Вот один из примеров.

На нашем уральском фронте к концу 1918 года развитие по приказу Троцкого усиленное братание, которое главным образом давало казакам возможность скакать за 100 или более верст к себе в станицу, в баньку, или же к женке. Как видно, это братанье отразилось плохо для нас. На частях же красной армии отразилось совсем разлагающе.

Наши депутаты от с'езда — бородачи — так же воспользовались братаньем, чтобы использовать и свое красноречие. И вот солдаты начали внимательно прислушиваться к словам бородачей. Спыхватившееся красное командование быстро двигает с другого направлени части против Уралья, и не подготовленное к этому казачье командование и с'езд очистили Уральск. Потерей Уралья мы не ограничились, а потеряли своего „казака из казаков“ Матвея Филаретовича Мартынова, очутившегося, как всегда, первым на опасном месте и получившего рану, оказавшуюся для него последней.

Несмотря на это наше физическое поражение, к нам все же перешли два пехотных красных полка, причем один, Туркестанский, полностью. Как выяснилось (слишком поздно для нас): отбрось мы красных, которым и не снилось брать Уральска, красной армии перед Уральском не существовало бы, а вся Нижняя и

Средняя Волга, за исключением городов, была бы под казачьей идеологией.

Мог бы привести еще и еще примеры, но комментировать не буду: каждому понятно „почему“.

Чтобы уничтожить всю эту неразбериху в казачьих умах, направлениях, целях, для скорейшего выполнения первой части нашей казачьей программы, должен громко и всюду прозвучать казачий клич: „Выправляй ось!“

Атаман В. Толстов. (Австралия).

От редакции. Помещаем и настоящее письмо-статью Яицкого Атамана в порядке дискуссионном. Было бы лучше, если бы подобные статьи имели более „конкретный“ и менее „философический“ характер. Вероятно, что и это письмо встретит надлежащий отклик среди читающей и думающей казачьей аудитории. Не можем все же здесь уже не отметить некоторых моментов, явно „бьющих в глаза“. Так, прежде всего, мы думаем, что коммунисты никогда не изучали и не изучают ни Казачества, ни казачьего вопроса. Вряд ли правильно и утверждение автора о болезни казачьей массы („кликушество“). Еще менее правдоподобно утверждение о „начале вырождения“. Несправедлив автор и по отношению к донцам. Когда мы читаем строки Яицкого Атамана, посвященные донцам, мы невольно ставим себе вопрос: а знает ли автор донцов, знает ли их историю?

„13 нулей“.

12 апреля получил я очередной (102) номер „ВК“, взял его, спустился в ресторан, что под нами, занял свободный стол, заказал кофе и стал просматривать журнал. Подходит к моему столу человек явно не французского типа (один башмак подвязан веревкой для поддержки рваной подметки), присаживается к моему столу, заказывает бутылку красного вина и, подряд выпив два стакана, обращается ко мне на ломанном французском языке:

— Позвольте нас спросить, вы русский?

— Нет, казак — отвечаю ему.

— Да, я вижу, что у вас казачий журнал, да не простой, а „Вольное Казачество“. Я вот тоже казак станицы Ново-Николаевской Д. Обл., только я приписной в революцию и служил все время в казачьих частях, но политика казачья мне не нравится; вечно казаки душили наших русских братьев, проживающих между вашими, казаками. И я бы хорошего о казаках ничего не сказал...

Я ему отвечаю:

— Позвольте, дорогой станичник, сказать вам несколько слов о своих „душителях“ казаках и о ваших милых русских. Я вот самый настоящий казак, от казака и казачки станицы Цымлянкой произошел; русских осуждать я не намерен, хотя они и заслуживают того, чтобы казаки их винули во многом, но они этого не делают. Скажите, разве русским пришлым у нас, у казаков, плохо жилось? Нет! Это вы уже не правы. Я хорошо помню, когда я был еще подростком, то приходили русские к нам, к казакам, из Орловской и Рязанской губерний на полевые работы, а когда оканчивали сезонную работу, получали от казаков приличное жалованье и отказывались от возвращения на свою родину. Поэтому выходит, что казаки не душили русских, а наоборот освобождали их от тех цепей, кои накладывались на них их барами, в их же родных краях. Упомяну еще один случай (а таких, если вспомнить, найдется много). Пришел однажды один молодой человек из Орловской губернии, некий Шишов в наш Красноярский хутор и нанялся к моему соседу. Проработал год и говорит хозяину: „дядя, я в Рассею не хочу ехать, буду жить у вас“. Хозяин согласился. Прожил он еще год и говорит: „Я хочу построить себе хату, но нужна для этого земля“. Хозяин хлопчет за него перед обществом, чтобы дали Шишову землю на постройку хаты (пришлым русским у нас давалась земля

для построек по 2 коп. за кв. сажень на вечное пользование), а когда у общества не оказалось на этот раз свободного куска, то хозяин отрезал Шишову из своей усадьбы, а потом и под огород прирезал. Построил этот Шишов хату, женился и зажил „вольготно“, работая все у того же хозяина, и прожил так 14 лет. И вот настало смутное время, пришли русские большевики и Шишов первый застрелил своего хозяина, говоря, что он все время душил его. А мы, казаки, все знали, что Шишов пришел к нам в дырявых лаптях и рваных штанах. И таких Шисовых среди казаков было очень и очень много, которые за казачье добро да хлеб соль платили расстрелами и казаки же в этом, будто, виноваты. И до сих пор казаки страдают там, на родине, получают оскорбления и здесь, в эмиграции, от этих „собратьев“.

Пока я все это говорил своему соседу, он успел осушить бутылку и говорит мне:

— Все это так, но вы, казаки, без России жить не можете, без России вы — нуль!

— Вы глубоко ошибаетесь — отвечаю ему — не один нуль, а целых 13 и если все они соединятся в одно целое, то легко и единицу представят и получится внушительная цифра, но русским кланяться казаки не пойдут, а русские, и в старое время и во время революции, находили приют и убежище у этих „нулей“, как вы говорите.

На этом разговор кончился и мой собеседник поднялся и смущенно говорит:

— Не будет ли у вас 5 франков, видите ли, я — без работы и сегодня еще ничего не кушал...

Вот, братцы казаки, как нам не быть в обиде на этих „собратьев“, когда за одним столом с тобою сидит, тебя и твой народ поносит, а потом и пятак еще на хлеб просит. Так было всегда и, вероятно, будет, если мы, казаки, не будем уметь защищать свои интересы.

(Франция. Монтаржи).

Ф. Карташов.

Думы казака.

Братья казаки всех казачьих Войск!

Беру на себя смелость сказать вам несколько слов по поводу казачьей трагедии. Всем вам известно, что наши предки жили самостоятельно, ни от кого независимо в своих родных краях. Свою волю, независимость, свою казачью честь они кровью защищали от всевозможных поработителей. Наряду с Вольным Казачеством развивалось Московское княжество, т. е. Русское государство. История нам ясно говорит, что в России царил полное рабство, когда помещики, они же правители народом, меняли этот народ на собак и всевозможные безделушки. Там, где процветало рабство, не могла развиваться культура, ибо таковая присуща народам, разум и воля которых не скованы цепями. Вот эти факты нам говорят, что не русский народ нас культивировал...

Русское дворянство, после выступления наших славных атаманов Степана Разина и Емельяна Пугачева, которые стремились вырвать из цепких лап русских дворян угнетенный русский народ и, таким образом, дать ему ту же волю и свободу, которыми пользовалось само Казачество, призадумалось над этими „бунтами“. Не долгий период народного восстания, которое было с жестокостью подавлено теми же московскими боярами, встрепенуло русский народ, и он, т. е. русский раб, несмотря ни на какие ужасы бежал к казакам, ибо знал, что с Дона выдачи нет; хотя редким смельчакам удалось достигать своей цели. Такое явление представляло для Московского царства, вернее для московских бояр, страшную угрозу. Чтобы положить этому конец, московские дипломаты повели интенсивную борьбу против самого Казачества, этого рассадника идей волюнтаризма и свободы.

Не имея возможности победить Казачество в открытом бою, Москва употребила иные способы борьбы. Она стала вербовать среди Казачества видных людей на свою сторону, конечно, награждая таких всякими материальными благами. К сожалению нашему, нашлись предатели среди Казачества, которые, как Иуда

Искаротский, за сребренники предавали Казачество и через этих предателей погибли и Степан Разин и много, много лучших сынов Казачества. Но Казачество, несмотря ни на что, до последней капли крови защищало свою жизнь, свои родные края и вместе с ними свою свободу и независимость.

Такая упорная борьба продолжалась до появления Петра I. который решил раз и навсегда покончить с Казачеством. Для этого он отправил на Дон князя Долгорукова, который в точности и выполнил волю Петра, разгромив сотни казачьих городков и не пощадив даже женщин и детей; разнузданные полчища стрельцов, упоенные казачьей кровью, разгуливали по степям Дона, подвергая все живое огню и мечу; такого ужаса не ожидали даже те старшины, которые перешли на сторону Москвы.

Сказав вам несколько слов о прошлом Казачества не могу удержаться, чтобы не сказать о настоящем, чему и многие из вас, братья казаки, были свидетелями. Давайте вспомним 1918 год, когда „Великая Россия“ была объята пламенем большевизма, точнее выражаясь просто анархией. Что же творилось у нас, в казачьих Войсках? Всем вам известно, хотя нас русские называют дикарями и некультурными людьми, казаки же быстро вспомнили свое историческое прошлое и, что называется, с быстротою молнии установили у себя утерянную много сот лет тому назад государственность и порядок.

Русская интеллигенция, спасаясь от своих бывших рабов, потянувшись к нам, казакам, „дикарям“, ища спасения и защиту. Казаки, забыв преступную работу в отношении Казачества этой самой русской интеллигенции, приняли и приютили ее у себя. Как же они отблагодарили нас за наше великодушное и гостеприимство? Они пристрелили из за угла народного избранника, защитника казачьей чести и свободы Рябовола; они повесили лучшего из казачьих политических деятелей Кулабухова; унизили и разогнали народное представительное собрание — Раду; вывезли много казачьего добра, на которое и сейчас многие живут припеваючи; бросили на побережье Черного моря, перед наступающим беспощадным врагом многотысячную казачью армию и, выйдя под нашим прикрытием за границу, при всяком удобном и неудобном случае плюют в истерзанную казачью душу.

Что же предпринимают наши казачьи „вожди“ в защиту казачьего имени, его интересов?.. Ведь казачество их выбрало на руководящие посты и они клялись перед крестом и святым Евангелием честно и верно служить только Казачеству. Посмотрим и сравним, не напоминают ли наши нынешние „вожди“ тех войсковых старшин времен Степана Разина, Пугачева и Кондратия Булавина, которые за чечевичную похлебку так бесцеремонно предавали Казачество.

В Париже образовался „Казачий Клуб“ членами которого в большинстве состоят наши бывшие руководители. Все они на своих собраниях, в один голос, только и говорят о благополучии России, а Казачества для них, будто, не существует. В противовес таким „благожелателям“ Казачества образовалась группа молодых, в большинстве случаев простых, рядовых казаков, задавшихся целью защищать всеми силами прежде всего только свое родное, казачье, а не русское. Нам заповедали наши предки высоко держать казачье знамя, защищать честь и славу его, неподкупную государственность, ни от кого независимую.

Так вот, братья казаки, стряхните с себя рабскую покорность, всколыхните своим казачьим умом, оглянитесь вокруг себя и наметьте себе ту дорогу, по которой вы могли бы попасть в свои, милые сердцу и дороге нам края. А этот путь — единственный, путь Вольного Казачества, т. е. Союз Казачьих Войск, или иначе говоря, единое казачье государство Казаки. Довольно позволять нам, казакам, всяким проходивцам пользоваться нашим казачьим добром. Казачье добро, казачье богатство принадлежит только казакам. Вольные казаки говорят: „Наш девиз — Казачья Воля; Казачья — наша цель“.

Дон. казак В. Семенкин. (Париж).

Александр Ефимович Пивень.

16 сего июня исполняется шестьдесят лет нашему сотруднику А. Е. Пивню.

Три года тому назад, в № 41-42 „В. К“, по случаю 40-летия литературной деятельности А. Е., мы дали читателям нашего журнала подробное жизнеописание и развитие литературной и писательской деятельности его к тому времени. В последнее время литературное творчество А. Е. у всех на глазах и повторяется еще раз на эту тему мы в данном случае не будем. Мы хорошо знаем, как, часто теперь, слабый телом, но всегда сильный духом, А. Е. так искренно „болеет“ — не даром ли он прожил свои 60 лет? — Нет, не даром. Все мы и сейчас ему шлем свои наилучшие пожелания сил и здоровья по крайней мере еще на сорок лет, ибо мы хорошо знаем, что если у А. Е. будут силы и здоровье, то применение им на пользу Казачества он найдет и сам. И найдет то именно наилучшее.

Знаем и заветное желание А. Е. — издать свои произведения в одной книге. Знаем и его обращения ко всем казакам, а особенно к кубанцам — помочь осуществить эту свою „жизненную задачу“. Сегодня, по случаю 60-летия славного „старого казака“ мы хотели бы больше всего верить, что расчеты его на казачью помощь оправдаются.

Еще раз — сил и здоровья, чтобы увидел он еще свою Кубань освобожденной, чтобы донес он сам туда свою песню, чтобы там воспел свободное Казачество!

А. Е. ПИВЕНЬ.
(К его 60-тилетию).

† Ф. К. Воропинов.

31 мая, в 9 ч. вечера, в Виноградской больнице (в Праге) скончался Филипп Капитонович Воропинов.

Еще один. Еще одного борца за свободу потеряло Казачество на своем крестном пути...

Начинают уходить те, кто борьбу за волю и долю Казачества начинали. Покойный Ф. К. Воропинов был именно одним из первых, кто начинал... Уже по одному этому следует на нем и его деятельности остановиться более подробно и внимательно, что мы и сделаем в следующий раз. Пока же — несколько биографических сведений.

Ф. К. Воропинов, казак ст. Невномысской, родился 23 июня 1886 года. Там же окончил станичную школу, а потом — городское училище в Армавире. В 1910 году он окончил уже учительский институт в Тифлисе, после чего три года учительствовал в ст. Полтавской. Годы 1913—1915 учительствовал в городском училище в Екатеринодаре, а с 1915 по 1918 год был заведующим высшим начальным училищем в ст. Платнирской.

С 1917 года Ф. К. Воропинов избирается членом Кубанской Краевой Рады и становится с того времени одним из активнейших политических деятелей Кубани. Арестованный в 1919 году Деникиным и высланный им за границу, Воропинов в 1923 году возвращается „туда“; шесть лет гоняют его там большевики из одной тюрьмы в другую... Наконец, в 1929 году он снова бежит за границу.

Эта „одиссея“ значительно подорвала его силы. Месяц назад он заболел воспалением мозга и больше не встал.

Спи с миром!

Ф. К. ВОРОПИНОВ.

Пресса.

„Новый Шлях“ про „В. К.“

В числі 17 українського тижневика „Новий Шлях“, що виходить в Канаді, уміщена стаття п. сотника М. Битинського, присвячена 100 числам „В. К.“ „Вільні козаки, пише автор, зробили величезну працю в сенсі вціплення в козацькі маси визвольних самостійницьких ідей“... Говорючи далі про сотне число „В. К.“, автор підкреслює, що воно „попередно, як і всі попередні розвиває й деталізує свою державницьку ідеологію й пояснює свою визвольницьку політичну програму. Пересякнутий цей журнал глибоко, щирою любов'ю до своїх козацьких земель, поневолених москвинами, перенятий непохитною вірою в довершення своїх козацьких національних ідеалів... Доживши до такого поважного числа своїх примірників, журнал „В. К.“ може бути гордий на свій сточисловий ювілей, бо праця його

на протязі цілого його існування в тяжких еміграційних умовах, судячи по великих реальних здобутках, була справді незвичайно плідотворна й подивугідна“.

— Так судять про нас друзі-приятелі.

Кінча свою статтю шановний автор так: „Ми, українці, в повній свідомості того, що й наша власна визвольна боротьба у великій мірі залежить від бажаної широкій й тісній співпраці з козаками й всіми поневолиними Московщиною народами, сердечно бажаємо нашому союзникові „В. К.“... повного дальшого розвитку, сил та успіху його високоїдейній праці. Щастя, Боже, на все добре!“

— З свого боку можемо лише підкреслити, що така позиція українська що до козачого питання може послужити лише на добре обом: і нам, козакам, і вам, українцям. Працюймо ж на згоду!

Казачья эмиграция.

На В. К. с'езд.

Поступило: из Болгарии от Я. И. Лопуха и И. М. Евсикова 50 кч.

Из Франции: от В. Крыштопы 10 фр., от Т. Хоруженко 14 фр., от В. Долгошеева 5 фр.

Через ОРК: 1. от членов ОРК: А. Затенка, П. Калиты, Ф. Онищенко, А. Огиенка, А. Сташка, И. Избенка, М. Колесова, В. Семенкина, П. Сидорова, И. Скобелина, А. Лебединка, Е. Черткова, И. Яковенка, А. Лысенкова, Ш. Балинова и А. Трофимова по 10 фр., а от Ф. Ульянова 80 фр., итого 240 фр.

2. От В. Попова 10 фр., Г. Чекина 10 фр., Д. Полюенка 5 фр. и Ф. Качана 5 фр., итого 30 фр., а всего 270 фр. или в коронах ч. 350 [триста пятьдесят к. ч.].

От ред. В. № 102, на стр. 25, пропущена фамилия М. Горшенева, внесшего 10 фр. Общий итог 306 фр. или 397 кч. правилен.

В Югославии к П. С. Полякову поступило через казначея Общеказачьей станицы в г. Суботица М. И. Чеботарева: от: М. Чеботарева, В. Познышова, И. Быкадорова, П. Солнцева, И. Шалунова, С. Евтухова, К. Милованова, Я. Чумакова, И. Бреславского и Ефремова по 10 динар, от: К. Ситникова, С. Полковникова, П. Свириденка, С. Габеева, Н. Пронькина, А. Буданова и П. Шибуняева по 5 динар, а всего 135 [сто тридцать пять] динар.

В Смедерево.

В связи с приговором № 77 вынесенным Общеказачьей станицей был получен приказ от Кубанского В. Атамана: пересмотреть приговор, т. к. В. К. идет против Войсковых Атаманов и несет вред общерусскому делу и Кубанскому Казачьему Войску. В случае же вторичного утверждения приговора о вступлении казаков Смедеревской станицы в ряды В. К. он, Войсковой атаман, и Кубанское Представительство отказываются от сношения с казаками, как с идущими против интересов Кубанского Казачьего Войска.

Согласно этому приказу и желанию „опозиции“, существующей в Смедерево, атаман Смедеревской станицы Н. Л. Гнилозуб назначил на 22-ое мая сбор станицы, на который прибыли: начальник штаба Кубанского Атамана полковник М. К. Соламахин, помощник атамана О. К. С. С. П. М. Мерзликин и казак-студент Н. А. Евсеев.

Выступавшим против Вольного Казачества полк. Соламахиным было сказано на сборе, что оно ведет „разрушительную работу“ и что основоположники его, как И. Ф. Быкадоров, бегут из рядов В. К., выступая даже потом и против его.

Интересно отметить, что коснувшись повешения

Кулабухова, М. К. Соламахин сказал, что Войсковой Атаман В. Г. Науменко не может нести за это ответа по должности, а лишь как гражданин Кубанского Края. Во всей же этой печальной истории вина полностью падает на быв. Войскового Атамана и Правительство.

Оппоненты, разбив все доводы полковника Соламахина, исторически и экономически доказали возможность существования Казакии. Против Атамана и России с их стороны никаких резкостей допущено не было, а лишь было отмечено, что в лице будущей России они видят только соседа и в русские дела вмешиваться казакам не советуют.

Глава „смедеревской оппозиции“, некто Соколов, оказался самозванным „казакком“, а по заявлению атамана Гнилозуба за ним водятся и иные скверные „делушки“. Сбор постановил исключить его из станицы.

Перед разоблачением его деятельности, в высшей степени отрицательной, г. Соколов, предчувствуя приговор казаков Смедеревской станицы, незаметно „ретировался“. „Опозиция“ руководилась им и он же был тайно „связан“ с Кубанским Представительством в Белграде.

На защиту Вольного Казачества выступали: станичный атаман Н. Л. Гнилозуб, его помощник Т. А. Столяр, казаки: Пальцев, Кошкודהев, Нигреев и др.

Результат последовавшего потом голосования показал, как твердо смедеревцы стоят на своем казачьем пути, не боясь „опалы“ даже со стороны Куб. Атамана.

За утверждение старого приговора высказалось 64, против 6.

После сбора представители Студенческой станицы были приглашены на обед, после чего, провожаемые казаками, отбыли в Белград. (Соб. кор.)

ПРИГОВОР № 94.

Мая 22 дня 1932 г. гор. Смедерево.

Мы, нижеподписавшиеся, казаки Смедеревской казачьей станицы, собравшись сего числа на своем станичном сборе в числе 69 человек, в присутствии нашего станичного атамана Н. Л. Гнилозуба, — заслушав предписание Кубанского Войскового Атамана за № 424 и пересмотрев приговор наш от 17 апреля с. г. за № 77 об отчислении 300 дин. на поездку представителя на Вольно-Казачий с'езд, и, найдя таковое отчисление совершенно правильным, а предписание Войскового Атамана, в котором он говорит, что этим мы становимся ему во враждебный лагерь, ни на чем не основано, т. к. мы этим приговором совершенно не касаемся Войсковых Атаманов, а путь, поставленный Вольным Казачеством, — есть путь елиственный верный, чистоказачий, по которому должна пойти не только часть казаков, а все казаки, и в первую голову должны были пойти именно наши Войсковые Атаманы, которым мы так доверчиво дали нашу судьбу, — судьбу всего каза-

чества. Двенадцатилетнее же наше пребывание здесь, за границей, нам показало, что казаки, не имея своего казачьего пути, разбились по всевозможным русским политическим группировкам, все дальше и дальше уходя от своего казачьего. Наши же Войсковые Атаманы, к великому нашему сожалению, ставят вопрос об освобождении территории б. Российской Империи с ее центром Москвой превыше интересов своего казачества и своих родных Краев. Такое их, непонятное для нас, уклонение от служения родному Казачеству заставляет нас взяться за спасение дорогого нам Казачьего Края самим, а посему, находя себя на правильном Казачьем пути, постановили: приговор станичного сбора от 17 апреля с. г. за № 77 подтвердить, и поручить станичному правлению еще усилить заботы по созыву Вольно-Казачьего с'езда и по сбору денег на поездку на упомянутый с'езд представителя. Копии настоящего приговора послать: в редакцию „Вольное Казачество“ и Кубанскому Войсковому Атаману, уведомив последнего, что казаки Смедеревской казачьей станицы никогда не шли и не идут против Войсковых Атаманов, а если они, Атаманы, ставят интересы единой-неделимой выше интересов Казачества и для создания первой готовы пожертвовать вторым, то они не есть исполнители воли казачьего народа.

Подлинный за надлежащими подписями:

С подлинным верно: станичный писарь Д. Захаров.

Доклады — полк. В. И. Балабина и есаула А. Н. Трофимова в г. Лионе.

„Союз Вольных Казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе устроил в воскресенье 24 апреля с. г. публичное собрание, на котором выступили с докладами: полк. В. И. Балабин (атаман вольноказачьей ст. имени Ем. Пугачева в г. Южине) и есаул А. Н. Трофимов (атаман Донской станицы в г. Париже).

Председательствовал на собрании есаул Т. К. Хоруженко (кубанец).

Собрание было открыто в три часа дня словом подхорунжего А. В. Пустошкина председателя „Союза В. К. (сепаратистов)“, приветствовавшего прибывших гостей от имени вольно-казачьей колонии г. Лиона. Вслед за этим А. К. Ленивов изложил на французском языке основные тезисы, а равно сущность идеологии и конечные устремления В. К.

Необходимо отметить, что среди многочисленной аудитории (148 человек), находились и видные представители местной французской общественности...

Первым по очереди явился доклад есаула А. Н. Трофимова на тему: „Страна казаков. Географический и экономический обзор Казачьих Земель“... Справедливость требует указать, что доклад был весьма тщательно разработан и детализирован, благодаря чему и произвел большое впечатление на аудиторию, тем более что сам докладчик, обладая несомненным даром красноречия, сумел свой доклад (чисто академического содержания) изложить в увлекательной форме. Казаки, присутствовавшие на докладе, проявили большую любознательность и заинтересованность в отношении содержания доклада, что особенно отрадно... Французы, присутствовавшие на собрании, выказали не только свой интерес, но и обнаружили громадные познания и эрудицию в смысле знания истории, географии и экономики Казачества (укажем — m-r Alphonse Mabut, docteur es sciences (б. дир. металлургического завода на Урале). m-r Charles Dupuis ingénieur (б. инж. на Грозненских нефтяных промыслах) и др.

Вторым был заслушан доклад полк. В. И. Балабина на тему „Современное политическое положение“. В живом и толковом изложении, полк. В. И. Балабин разобрал вопрос об отношении государств Европы к вопросу, воссоздания национальной России. Попутно с этим, докладчик затронул вопрос о мировом экономическом кризисе и безработице, а равно и экономическом положении СССР. Основная мысль докладчика в общих чертах сводилась к следующему: большевистская „пятилетка“ и демпинг подрывают в корне без того тяжелое экономическое равновесие мира и что быть может единственным выходом из этого положения, яв-

ляется обнаружение новых экономических рынков, каковые возможности и могли бы определиться при образовании Черноморско-Каспийской Антанты (Украина, Туркестан, Кавказ, Грузия, Казакция)... Закачивая свой доклад, полк. В. И. Балабин установил, что о Вольно-казачьем движении заговорила не только международная печать, но заинтересовался и финансово-промышленный мир.

Следует отметить характерный эпизод, когда один видный французский коммерсант имел деловое собеседование с полк. В. И. Балабиным по вопросу об организации промышленности в Казакции.

При состоявшемся после доклада обмене мнений, первым выступил сотник И. М. Султанов (терец), который и запросил есаула А. И. Трофимова: почему он в своем докладе, при упоминании о границах будущего казачьего государства Казакии, определил лишь о включении левобережного Терека в состав территории Казакии, не упоминая ничего о правобережном Тереке...

Есаул А. Н. Трофимов, отвечая на заданный вопрос, указал, что этот вопрос может быть решен хорошо при переговорах с горцами Кавказа, дабы не иметь в последующей государственной жизни Казакии таких прецедентов, какие скажем имели место в период 1917-1920 г. г...

Хорунжий И. А. Болдырев (донец), выразив свое удовлетворение обоими заслушенными докладами, выразил уверенность в том, что раз вольно-казачья идея начала захватывать в свое русло широкие народные массы в Казачьих Краях, то следует полагать, что рано или поздно она претворится в действительность. Грядущее покажет все... В частности же и определит, присущ ли Казачеству „единонеделимческий дух и идеология“, которую тщетно навязывают г. г. Богаевские, Науменко, Мельников и К°, или нет!

Подхорунжий Шведов: Многого сказать не сумею, а потому скажу одно: есть теперь для всего Казачества одна дороженька, именно вольно-казачий шлях, но не как не московская стезя.

Есаул И. А. Кувиков (донец) подчеркнул, что остатки „единонеделимческой идеологии“ покоятся на берегах Черного моря, там, где в 1920 г. злым умыслом ген. Деникина и преступным попустительством ген. ген. Богаевского и Науменко были брошены на „сечение“ большевикам в г. Новороссийске Донская армия, а около Сочи и Адлера 40.000 кубанских казаков.

Войсковой старшина Четыркин (донец) отметил интенсивность работы В. К., выразил надежду в том, что не только Европейское Казачество будет создавать свое казачье государство — Казакию, но также и Азиатское Казачество становится на тот-же путь, что уже и определяется в известной степени на Дальнем Востоке.

Много смеху, а потом и возмущений вызвало выступление некоего Сергеева, отрекомендовавшего себя кубанским казаком, пытавшегося возражать как полк. В. И. Балабину, так и есаулу А. Н. Трофимову. И действительно „казак“ Сергеев с места в карьер затянул „Наша матушка Россия погибает, мучается под властью большевиков русский народ, страдают русские люди за-границей, а вот есть казаки, которые проповедуют самостоятельность, т.-е. полное отделение от России. Это стыд, ибо казаки — русские люди и т. д.“... Далее слов „казака“ Сергеева невозможно было слышать, ибо поднялся страшный шум, крики вомущения: „Долой, вон“, свист и г. г. „казаки“ единонеделимческого толка, прибывшие на собрание, чтобы посмотреть вольных казаков да и себя „показать“, могли только „созерцать“, с каким треском и шумом провалилось „выступление“ их оратора г-на Сергеева!..

Есаул П. П. Лаврентьев (терец). „Стыдитесь вы (обращаясь к Сергееву) называть себя казаком, вы русский и точка. Если вы враждаетесь в казачьей среде, пытаетесь подменить слово „казак“ — словом „русский“, то этим лишь уподобляйтесь г. г. „казачьим вождям“ единонеделимческого толка, которые проиграли свое дело раз и навсегда... Нам, боевым офицерам, нечего втирать очки, последствия „единонеделимческой ориентации“ Казачество испытало на своей

шкуре, заплатив за это десятками тысяч жизней своих лучших сынов. Понятно? Бросьте дурака валять, а выявите лучше, что вы предлагаете не для спасения России, а для спасения Казачества? (Аплодисменты).

Сергеев: „Только в Матушке России казакам жилось хорошо...“

Есаул Ф. И. Алентьев (терец): Вы-же слышали, что вам сказали: перемените пластинку. То, что вы тянете, слишком старо и неинтересно. (Аплодисменты).

Подхорунжий Е. Л. Шаншиев (терец): Бросьте Россию, говорите о Казачестве.

1-й ряд: слева-направо — есаул Т. К. Хоруженко — пред. Ассоциации В. К. — anciens combattants в г. Лионе; хорунжий С. С. Настоящев — пред. В. К. кассы взаимопомощи в г. Лионе; полк. В. И. Балабин — атаман В. К. ст. имени Ем. Пугачева в г. Южине (Альпы); подхорунжий А. В. Пустошкин — пред. „Союза В. К. (сепаратистов)“ в г. Лионе; есаул А. Н. Трофимов — атаман Донской станицы в Париже; А. К. Ленивов, представитель „В. К.“ в г. Лионе.

2-й ряд: слева-направо: хорунжий И. А. Болдырев — казначей В. К. ст. им. Ем. Пугачева в г. Южине (Альпы); Н. Н. Юров — член правл. В. К. кассы взаим.; И. В. Мельников — секретарь „Союза В. К. (сепаратистов)“ в г. Лионе; Н. С. Кнышов, подхорунжий Е. Л. Шаншиев — казначей В. К. кассы взаим. в г. Лионе.

Н. Н. Юров (донец): Россия, Россия, а где-же вы обмолвитесь о Казачестве? или вы думаете, что будущая „какая-то“ Россия сохранит Казачество? неужели история Казачества г-ну Сергееву ничего не говорит, хотя бы и „казаку“ таксовому, как он? (Аплодисменты).

Бельченков (донец): Пусть г-н Сергеев предложит чтонибудь для спасения Казачества; почему он ничего об этом не говорит, или он думает, что вопрос о судьбах казачества — это „трень-трава“ для нас, казаков?

Сотник Сивохин (кубанец): Сергеевы хотят видеть в казаках надежное „быдло“ для русского народа-богоносца, не иначе? (Крики „Да, да, так“).

Есаул Т. К. Хоруженко (кубанец): Станичники, как председательствующий на собрании, запрещаю говорить с мест без моего разрешения и предлагаю терпеливо выслушать до конца то, что попытается сказать „русский казак“ Сергеев. (Аплодисменты).

Сергеев: И когда будет наша матушка Россия освобождена, верьте, что тогда пошлет русский народ своих представителей в Учредительное собрание, которое, собравшись, начнет решать судьбы российской государственности. Соразмерно с этим, Казачество может просить через своих представителей — чего пожелает, — и автономию, и федерацию и полное отделение от России... и, я думаю, Казачество все просимое получит.

А. К. Ленивов: Станичники, вы слышали, что говорил сейчас г-н Сергеев. И если он не мог складно выявить свою мысль, то не в этом беда, а главная суть в том, что его словами выражена идеология „русского Казачества“, базирующаяся на т. н. не пр е д р е-

шенчестве. Помните, что говорит б. Атаман ген. Богаевский: „будет в России монархия, будут казаки честно служить, как служили их отцы, будет республика, послужим и ей“. Какой самообман, какая ложь во всех этих заверениях и не думается ли каждому казаку о том, что „каждая Россия“ разделяется с Казачеством по своему! Помните об этом... Напомню вам, казаки, что сказал в свое время тот, кто теперь пытается спровоцировать В. К., именно Н. М. Мельников: „На опыте прошлого мы видели, какие жестокие ошибки делали те, кто подходит к казаку, не понимая его. Допустить это же в дальнейшем мы не можем. С нас всяких опытов достаточно — и черных, и белых, и красных, — коммунистический пусть будет последним“.

Неужели казаки могут верить тому, о чем утверждает г-н Сергеев, именно „казаки попросят у Учредительного собрания, и оно даст казакам и автономию, и федерацию, и даже самостоятельность“?

Наивно, не правда ли? и это тем более, что в 1918 году ни кто иной, как В. Чернов, председатель Всероссийского Учредительного собрания, громогласно заявил с трибуны: „Казачеству необходимо потесниться!“

Лживость заверений г. г. Богаевских, Мельниковых выявляется в глупости фразологии г-на Сергеева, который попросту несет явную несурязицу“. (Аплодисменты, крики „Правильно“).

Хорунжий С. С. Настоящев (донец): Предлагаю помнить всем казакам, что идея В. К. покоится на незыблемом фундаменте, который состоит из свободы и права личности. Во имя этого, мы, вольные казаки, и исповедуем: Наш девиз — Казачья Воля, Казакия — наша цель. (Аплодисменты).

Кнышов (кубанец): Слово „Россия“ казаками уже забывается, ибо его начинают заменять другое слово, более близкое, более родственное Казачеству, именно слово „Казакия“. (Аплодисменты).

Подхорунжий Мугуев (терец): Весь избитый пулями, изрубленный большевическими шашками, я, простой казак-осетин, плохо говорящий даже по русски, скажу одно: спасибо нашим докладчикам, многое новое открыли они для нас, казаков. Обращаясь к „русским казакам“, укажу: вспомните отступление от Орла и Воронежа в 1918 г., вспомните гибель казачьих армий, а потом и скажите, нас казаков погубили русские генералы.

Подесаул Поевов (донец): Факт остается фактом: своей легкомысленностью, своей идиотской „русскостью“ г. Богаевский и подобные ему привели казачество на край гибели, — прошел ряд тяжелых лет и казачьи славные знамена подняло из грязи В. К. Будем верить, что оно и спасет Казачество. Слава Казакия! (Аплодисменты).

Есаул Т. К. Хоруженко (кубанец): В виду ищчерпания списка ораторов, предоставляю последнее слово докладчикам...

Полк. В. И. Балабин: То, что надо было сказать по теме моего доклада, я уже сказал, теперь хочу добавить лишь несколько слов.

Не надо надеяться „русским казакам“ на какую-то будущую Россию, ибо мне думается, что таковой России никогда не будет, ибо уж слишком „постарались“ русские люди и крепко-на-крепко забили осиновый кол в землю, под коей похоронена была Россия. Восстать из гроба России никто не поможет, ни иностранные державы, ни сам русский народ; да послужит порукой в этом, триста с лишком лет татарского ига над русским народом, двести пятьдесят лет крепостного права над русскими мужиками, триста лет царствования дома не Романовых, а немецкой династии Голштейн-Готторпов над Россией и ныне продолжающийся 15-ый год владычества русских большевиков над остальными русскими людьми. Думаю, довольно...

На что-же надеяться „русским казакам“, во что верить? Уж не Богаевскому-ли!.. Я, полк. Балабин, матерый донской казак, строевой офицер, член Войсковых Кругов, пред. военной комиссии Большого В. Круга, пред. военно-полевого суда и ныне атаман вольно-казачьей ст. имени Ем. Пугачева в г. Южине, громогласно заявляю, что ген. Богаевский — клятвопреступник, он нарушил свою атаманскую клятву, он изменил Дон-

ской Конституции. Этому человеку, который в свое время был Донским Атаманом, верить нельзя! И если бы ему было суждено появиться в пределах Казаккии, он должен быть предан суду и должен понести наказание. (Аплодисменты). „Единонеделические тенденции“ в среде Казачества исчезли, ряды вольных казаков ширятся и множатся. Безмерно буду счастлив, если мне, старому донскому казаку, удастся упокоить свои кости на родной земле, где погребены мои славные предки, донских степей вольные казаки Балабины, происхождения отнюдь не русского!“ (Аплодисменты).

Есаул А. Н. Трофимов: Редкое единодушие, высокий порыв, веру в свои силы, большую сплоченность и жажду дерзаний приходится мне наблюдать в среде моих кровных братьев, вольных казаков г. Лиона. И чувствуется мне, что „не ослабла еще сила казацкая, не притупились казацкие сабли, есть еще порох в казацких пороховницах“. Ставка на Россию безвозвратно проиграна, но за то народилась идея В. К., идея создания казачьего государства — Казаккии. (Аплодисменты).

Наш долг освободить страждущее Казачество там и в казачьих краях, во имя этого мы должны и объединяться под вольно-казачьими знаменами, неизменно памятуя: спокойствие, выдержка, настойчивость, энергия и вера в свои силы. (Аплодисменты).

По затронутому вопросу о комбатантских карточках, укажу, что не все так обстоит, как пишет об этом ген. Богаевский в своих обращениях к казакам через русские газеты. Каждый казак, участник Мировой войны 1914—1918 г. г., проживающий во Франции, может получить карточку французского союза комбатантов, путем подачи персонального заявления.

Есаул Т. К. Хоруженко: От имени „Союза В. К. (сепаратистов)“ в г. Лионе, сердечно благодарю полк. В. И. Балабина и есаула А. Н. Трофимова за сделанные доклады (продолжительные аплодисменты), и объявляю собрание закрытым (в 8 час. вечера).

(Соб. кор.).

Один за всех, все за одного...

„Союз Вольных Казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе, стоя на страже интересов всего честного Вольного Казачества, не имеет нравственного права обойти молчанием мерзкий поступок русской газеты „Последние Новости“, сделавшей провокационный выпад в отношении Кубанского Войска полк. А. Т. Жукова, одного из активных бойцов Вольного Казачества (см. газету „П. Н.“ за № 4070 от 14 мая с. г.).

„Наш девиз — Казачья Воля, Казаккиа — наша цель“ — альфа и омега нашего Вольно-Казачьего существа и тот, кто, исповедуя нашу веру, бьется рядом с нами в передовых лавах В. К., тому честному собрату по мощи казачьего духа, — полная поддержка и защита от нас, вольных казаков, пребывающих в данное время в г. Лионе!... Полагая, что ложное сообщение, произведенное на страницах русской газеты „П. Н.“, является определено злым умыслом опорочить имя и честь полк. А. Т. Жукова, а вместе с ним и все честное славное Вольное Казачество, напоминаем, что „не ослабла еще казацкая сила, не гнутся еще казацкие шашки“.

Мы — не русские люди, а вольные казаки — гордые мощью духа и силой природного мужества, выступая на защиту чести нашего собрата по дорогой вольно-казачьей Идее — полк. А. Т. Жукова, шлем наше полное презрение и отвращение в адрес русской газеты „Последние Новости“, которая столь подлым способом борется с неугодными политическими противниками...

Категорически настаиваем на том, чтобы полк. А. Т. Жуков в полной степени снял „грязь“ со своего имени, путем привлечения к судебной ответственности, как русской газеты „П. Н.“, так и подлого клеветника — курда Явура. Все вольно-казачьи станицы, хутора, курени и союзы, приглашаем следовать нашему примеру.

29-V-1932, г. Лион (Франция).

„Союз Вольных Казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе.

В Париже.

29-V состоялись переизборы состава правления Донск. пар. ст-цы. Атаман ее А. Н. Трофимов, открывая собрание схода, предложил собравшимся почтить вставанием память Президента Французской Республики г. Думера, убитого злодеем Горгуловым. Казаки встали и почтительно склонили свои головы.

После этого атаман доложил отчет о деятельности станичного правления за истекший год. Отчет сходом был утвержден, а атаману А. Н. Трофимову были предложены сходом атаманские полномочия на новый срок. Принимая во внимание, что годичный срок истек и в виду неопределенного своего положения, как безработный, А. Н. Трофимов отказался от новых атаманских полномочий.

Избранным в атаманы станицы оказался ес. М. М. Колесов, помощником Ш. Н. Балинов, казначеем Т. А. Евтухов и писарем В. С. Семенкин. Сход разошелся в надежде, что новое правление ст-цы по примеру правления прежнего состава с новыми силами пойдет на моральный и материальный подвиг за честь и достоинство Седого Дона!

(Соб. кор.)

Из Пловдива.

Милостивый Государь, г-н Редактор!

Не откажите в любезности поместить в Вашем уважаемом журнале нижеследующее:

Пловдивская Донская казачья станица приносит свою искреннюю благодарность местной Украинской организации в лице пана Головы Ю. Н. Андриевского и Г. К. Гончаренко, которые первые протянули руку помощи утопающему в „Русском море“ казаку. Они были первыми и последними людьми, которые отозвались на казачью просьбу и разрешили у себя в помещении произвести станичный сбор, несмотря на то, что в тот же самый день у них должно было происходить так же собрание. Сокративши свою программу сбора, они тем самым дали возможность казакам произвести выборы правления.

Пусть это послужит примером для других организаций, особенно для наших казачьих организаций.

Пример достойный подражания!

Пловдивское станичное Правление.

Воло (Греция).

После долгих лет эмигрантской жизни со всеми ее невзгодами, в г. Воло образовалась вторая по счету в государстве организация казаков — Общеказачий хутор в Воло. Состав: донцов — 17, кубанцев — 8, терцев — 1, астраханцев — 1. Членов соревнователей (не казаков) — 2; членов почетных — 1 (местный грек). На призыв правления — поддержать его работу в момент организации — откликнулись следующие лица из среды: членов хутора: М. П. Бессонов, С. И. Киреев, Д. М. Киндеев, Е. Ф. Левин, Ф. Т. Лашенов, И. К. Медведский, И. Е. Никитин, М. А. Семилетов и И. И. Чернов, а кроме того Е. Ф. Левин привлек пожертвование со стороны г. Тарамбукияса, причем общим сбором последний зачислен в почетные члены хутора. Всем вышепоименованным лицам общим сбором, имевшим место на 2-й день Пасхи, выражена благодарность.

17 марта с. г. состоялся общий сбор, на котором сформирована администрация хутора в следующем составе: хуторской атаман — А. И. Литовкин, помощник атамана — М. М. Нефедов, хуторской казначей — М. А. Семилетов, хуторской писарь — Ф. Г. Колбасин. Председатель ревизион. комиссии — Д. С. Коваленко, члены рев. комиссии: И. И. Чернов и А. С. Харитов.

2 мая состоялся общий сбор, носивший характер христианской встречи и решивший целый ряд вопросов делового характера. К сожалению, местная администрация заставила хлопотать об утверждении устава местной организации, что правление хутора и вынуждено было сделать. Остро стоящий вопрос о помещении для правления хутора и для устройства общих собраний, вероятно разрешится не раньше осени по двум

причинам: 1. недостаток средств в данный момент и 2. уход многих членов хутора на полевые работы.

В виду необходимости собрать средства для утверждения устава и для найма своего помещения, правление, между прочим, обратилось с просьбой о временных ссудах к целому ряду лиц и учреждений (в том числе и казачьих). К сожалению, всеми этими корреспондентами проявлена не только невнимательность к просьбам, но полнейшая неделикатность. В подавляющем большинстве случаев ответов ни положительных, ни отрицательных не последовало, что вызвало резкое постановление правления хутора, в силу которого просьбы о помощи могут быть направляемы только в адрес тех или других иностранных организаций, и вообще в адрес отдельных иностранцев. Вообще же решено обходиться собственными силами и средствами.

Ф. Г. Колбасин.

† Полковник И. П. Никишин.

Ушел от нас еще один соратник в минувшей борьбе с заклятым врагом, большевиками. Ушел, не дожидаясь освобождения милой и дорогой родины, которую он так горячо любил и куда стремился всей душой все годы изгнания. Ушел туда, где нет ни печали, ни воздыхания...

С каждым днем ряды казаков в эмиграции все больше и больше редеют. Умирают старые и испытанные борцы, кои так много потрудились для освобождения Казачества от красной неволи и за сохранение своих вольностей, а в награду за их великие дела — изгнание и смерть в чужой стране. Не вынес еще один надломленный организм тяжелого физического труда в борьбе за насущный кусок хлеба для прокормления семьи и свалился. 28-го апреля настоящего года в гор. Софии от апоплексического удара скончался полковник Иван Петрович Никишин.

Покойный — казак Митякинской станицы В. В. Д. Родился в 1881 году 18 июля. Образование получил в Новочеркасской учительской семинарии и, как большинство донских офицеров, окончил курс Новочеркасского казачьего юнкерского училища. В 1902 году он был выпущен отсюда подхорунжим с зачислением в 7-й Донской каз. полк. Произведен в хорунжие 1-го сентября того же 1902 г. В войсковые старшины произведен 17 августа 1917 г.

Покойный принимал участие в Великой войне с 1916 года и в большевицкой с 20 апреля 1918 года. Командовал 6-й Донской отдельной сотней; был помощником командира 96 Митякинского пешего полка в большевицкой войне; старшим адъютантом штаба Батайского отряда; командиром конно-саперной сотни 1-й Донск. кон. дивизии; дежурным штаб-офицером штаба 3-го Донского корпуса и на др. должностях. Имел награды: орден св. Станислава 3-й степени, Анны 3-й степени и Станислава 2-й степени с мечами и бантом.

Пишущему эти строки часто приходилось встречаться с Никишиным по службе в 5-м Донском каз. полку, где покойный служил младшим офицером и на должности полкового адъютанта в чине сотника. С редкой отзывчивой душой, трудолюбивый до упорства, просящему он всегда шел навстречу и не отказывал в просимом. Был строго по отношению к себе и к своим подчиненным по службе, но очень редко прибегал к дисциплинарным наказаниям своих подчиненных. Поэтому казаки его любили. В семье же офицеров всегда был своим желанным человеком. В его лице Донское Казачество потеряло одного из хороших преданных ему офицеров, а семья его (жена и 8 летн. дочь) единственного кормильца в самый тяжелый период безработицы в Болгарии.

Мир праху твоему, дорогой воин, и да будет свеженасыпанная земля тебе пухом; спи спокойно в приютившей тебя братской земле; оставшиеся в живых не забудут твоих заслуг перед родиной.

Гор. София. 22-5-32 г.

Ф. Е. Бабкин.

Скоплянская действительность.

Письмо в редакцию.

(Окончание).

Что на собрании приговор подписало 39 — мы считаем хорошо, потому что в другое время и столько собрать нельзя. Ведь казаки же не работают в канцеляриях, а разбросаны везде и не всякий в назначенный день свободен от домашних работ, будучи связан семейством, а кто может и работает. Мы думаем, что Вы понимаете обстановку и поверите нам, что все доносчики — люди никудышные и делают зло станице, т. е. казакам. Поэтому просим принятое казаками решение на собрании 11-Х утвердить и тем отобрать карту из рук болтунов. Все равно ведь этих „господ“, как не членов станицы и вредителей, казаки в правление не выберут. Раньше они не желали помогать какам и развалили станицу, а теперь казаки отказываются от их „помощи“, чтобы не развалить станицу, которую создать и поставить на ноги стоило больших трудов. А Ковгана, хогь и клевету на него, мы знаем лучше: хор. Ем. Лысенко, каз. Ив. Чикин, Ив. Журавлев, Н. Волков, В. Емельянов, В. Харитонов, Ер. Варлавин, Г. Уваров, З. Котыхин, М. Кардаш, С. Лебединец, Н. Моногаров, сот. Я. Дятлов, каз. А. Бабанский, К. Стригунов, Н. Щиповсков, В. Свиначев, Иван Блинков, А. Сторчак, Ив. Федоренко, С. Федоренко, М. Идовича, Ф. Таперичкин, Г. Сименко, П. Чайка, Г. Черников, Дм. Фисько, И. Огиенко, В. Забелин, С. Леонидов, сот. Курило, сот. Ф. Верещака, каз. Г. Ковалев, Ф. Белевцев, Г. Николенко, А. Перфильев, М. Аксенов, Г. Аксенов, Г. Кудлаев, Н. Лелехин, И. Чаплыгин, Ф. Гусаров, П. Зезюкин. — 9. II. 1932 г. —

Послав такое письмо, казаки ждали справедливого ответа. Вместо ответа ген. Науменко посылает своего эмиссара — Шкүру для ликвидации „мягежа“. Казаки не подозревают о тех планах, которые сковали „доброжелатели“ и доверчиво, с открытой душой встречают гостя — „старого волка“, настаивая на необходимости торжественной встречи. Когда же „волк“ показал зубы и, шелкнув сочной матерщиной, именем г. Науменка „предложил“ станичному обществу приступить к перевыборам атамана, предварительно записав в станицу всех присутствовавших и неимевших к станице никакого отношения, станичное об-во без протеста приняло брошенный генералами вызов и... „волк“ накололся на рогатину. Увидя, что „задачу“ в лоб выполнить невозможно, т. к. станица сознательно дала отпор, „волк“ решил обмануть „врага“ и целых два часа крутил об-во с записками для голосования в кармане, а голоса не собрал пока не произвел „по какой то случайности“ скандал и многие казаки плюнули с досады и ушли. „Волк“ только этого и ожидал и... именем Науменка преподносит об-ву уже заранее приготовленного наказного Котлярова (член РОБС).

Казаки возмущаются обманом, но верят в свои силы и ждут дня новых выборов. 6.III.32 г. я передал все дела ревиз. комиссии в присутствии 5 членов приемной комиссии и получили акты, что все дела в порядке и что станица осталась мне должна 400 динар. С 6.III. начинается „работа“ наказных заправил, которая сводится к клевете, составлению обвинительных актов, сплетням и разложению казачьей среды.

Желая сблизиться с русской колонией, из которой с таким трудом казакам удалось вырваться 3½ года тому назад, заправили приглашают казаков на 27.III на соединенное заседание с русскими организациями, пообещав какие то „блага“. Многие казаки, в надежде получить работу, пошли, послушали, помолчали и... ничего не получили. А как к этому отнеслось русское общество? — Да на другой же день престарелый П. Сахновский, видный член р. колонии, в разговоре заявил: „...какого черта приперлась туда еще эта казачья краснота...?“ Видно, что низкопоклонство и блюдолизничество наказных заправил не особенно размягчило сердца и умы русских и... заправили проглотили заслуженную, а казаки — незаслуженную и ничем неоправдываемую пилюлю.

Но „работа“ ведется. М. Сергиенко, М. Гноевой — члены старой рев. комиссии и И. Ляпин, — не член

комиссии, решили провести даже такой „номер“: устроить генеральную проверку действий старого атамана и старой рев. ком., т. е. самих себя и обвинить в чем то Ковгана. Для этого было созвано 10.IV. специальное собрание, на котором я и потребовал, чтобы общество из своей среды выбрало комиссию для проверки действий старой рев. комиссии, т. е. Сергиенка и Гноевого, которые свое время докладывали об-ву об исправности денежной отчетности, а мне выдавали акты о том же. Видя такой оборот дела, эти „господа“ поспешили дело замять и Котляров собрание закрыл, не вынося никакого приговора. Казаки же с возмущением заявили, что если есть недочеты, старая рев. ком. должна сама пополнить, потому что Ковгану выдала акты и от об-ва недочеты скрыла. На этом выехать не удалось, но грязи развели много. Правда, всем стало ясно, что пущенный И. Ляпинский слух о растрате Ковганом восьми тысяч динар из станичных сумм оказался клеветой, т. к. по подсчету оказалось, что за 3½ года общий приход выразился в 8.629 динар, а средний месячный расход станицы за то же время на канцелярию, канцелярский материал и почтовые расходы выразился в 200 динар!

Горячее участие в „работе“ этого периода принимает, откуда то появившийся, никому неизвестный, Мяч, именуемый себя сотником. Все в недоумении — казак он, нет ли, когда стал казаком? Обратившимся к Мячу казакам он ответил, что он казак ст. Поповичевской Куб. К. В. Тогда обратились к сотн. Рябоконю — ст. Поповичевской, который ответил, что в его станице „казаков“ Мячей, ни природных, ни приписных — нет! Вышло, что беглый московский холоп. По другим версиям, Мяч — агент Освага добрармии, прикомандированный в свое время в кубанские полки для „наблюдения“ за „поведением казаков“ и „изъятия самостийного элемента“. Привычка к „работе“ сказывается и сейчас. Он, незадумываясь, называет большевиком всякого казака, который рискнет быть не его холопских взглядов на будущее Казачества.

Казаки ждали выборов 3.IV или 10.IV., но заправили учли, что начинается сезон работ и затягивали, чтобы больше старых членов станицы уехало на работы вне Скопля. Наконец, объявлены выборы на 24.IV. Собралось до 50 человек, но старой станицы всего 15—20 человек, а остальные все новые лица, большинства которых я никогда и не встречал. Здесь же присутствовали и принявшие подданство г.г. Дикий, Самойлик и пр., пришедшие решать судьбу казачьей эмигрантской организации и своими голосами обезличить ее, подпирая всей силушкой холопов. За председат. столом: Котляров, Сергиенко, пьяный Мяч — сразу видно, что подмогорычились здорово перед боем Рядом сели — полицейский чиновник и полиц. агент; на улице — в входной двери в помещение собрания — один пеший полицейский, а по улице перед помещением все время планирует дежурный конный полицейский... Обстановка самая подходящая.

Котляров открывает собрание и сразу же объявляет, что первый доклад делает... Мяч, второй — Сергиенко и третий — Брицкий. Другими словами — доклад делают по заранее сфабрикованному плану лица, не имевшие никакого отношения к правлению станицы. Тема Мяча свелась к следующему: „Что такое вольно-казачье движение и кто такой Портнов, плюнувший старой России в лицо?“ И этот пьяный мужик распоясался во всю. Орал до хрипоты, матерщинил, стучал по столу кулаком, топал ногами, как бодливый козел, и доказывал, что вольные казаки — изменники, большевики, что казаку не нужна республика, а русский царь, что Портнов подозрительная личность, а так же и все вольные казаки и т. д. и т. д. На дремавшего здесь пьяного казака Огиенка убедительная речь Мяча, видимо, подействовала возбуждающе и он громогласно обожил „орателя“ такой же сочной матерщиной. Сначала замешательство, но потом Котляров просит полицию и казака убирают под сочную ругань Мяча, при общем смущении казаков. Наконец он кончил и сразу же выступает Сергиенко в роли обвинителя Ковгана. Докладчик усиленно подчеркивает свою преданность памяти русских императоров и призывает следовать

за ним (в могилу?). После него выступает некий старичек Брицкий и читает из Конституции Куб. Края „о правах В. Атамана, порядке выбора и сроках полномочий выборного В. Атамана (4 года!)“ и т. д.

Получилась сплошная неразбериха. С одной стороны стремление к русской абсолютной монархии, а с другой — Конституция Кубанского Края, — суверенной единицы! Ясно, что эти типы били на неразборчивость казака, подтасовывая совершенно различные вещи и производили эффект пустыми фразами и глоткой, все время грозя местным законом.

В результате стало ясно, что кто против этих правил, того обвинят в большевизме, коммунизме и т. д. И это после того, как эти казаки выдержали все тяготы борьбы с большевиками, потеряли имущества, родных, родину и 12 лет живут в тяжелых эмигрантских условиях!.. Наконец дошло до того, что пьяный мужик Мяч сочно выругал перед собранием нескольких казаков матерщиной и назвал сволочью! Требование казаков выбросить этого тиша на улицу. Котляров и Сергиенко отклонили (нельзя — сторонник и кандидат в правление!).

После всего я попросил слово, но мне категорически отказали и перешли к выбору стан. администрации.

Временным председателем собрания избран М. Мищенко, писарем Д. Самойлик, которые и повели собрание по линии Мяча. Перед голосованием были открыты прения о кандидатах в атаманы: Супрунов — Сергиенко. Слово взял сот. И. Мальцев, который начал с основания ст-цы Гордиенком, но когда дошел к изложению, как б. атаман Щерба разбазарил станицу и положил ей конец, то Мищенко, бывший при Щербе казначеем и причастный к этому „действию“, сразу же оборвал говорившего, лишил его слова и кричал, что „доклад не по существу“. Протесты Мальцева и требования казаков „продолжить“ — были бесполезны. Мищенко нужно было прикрыть свое грязное пятно и он это проделал на правах председателя, не считаясь с требованием казаков. О Супрунове был дан хороший отзыв. О Сергиенке никто хорошего ничего не сказал. (Между казаками ходят туманные слухи о ликвидации Сергиенком станицы во Вранье. Там сейчас организовалась опять станица и может быть она найдет возможным на страницах журнала сказать: куда и кому были сданы дела, библиотека и остальное имущество старой станицы; при каких обстоятельствах произошла ликвидация и какую дудку в этом квартете играл Сергиенко, и была ли необходимость ликвидировать организацию, которая после 6-7 лет небытия — снова возродилась?).

При подсчете голосов своя компания умолчала о разнице голосов и прошел Сергиенко. Дальше, под зычные выкрики заправил и ругань Мяча, продолжены выборы остальной администрации и помощником атамана избран... мужик Мяч. Верно и г. Науменко его с большим удовольствием утвердит, т. к. единомышленников среди казаков все меньше остается и придется ему станицы организовать из „мужиков и беглых холопов“.

Любопытно отметить, что присутствовавшие здесь г. г. Дикий, Астахов и пр. старички (правда, они то имеют большую слабость к рюмахе), когда мужик звывал казаков сволочью — смиренно хлопали глазами и бессмысленно — глупо улыбались! Эх, вы, большая и мелкая „старшина“ бестолковая! На чьих плечах вы спаслись? Именем г. Науменка унижают и оскорбляют казаков, а он? Он ставит себе в службу все средства, чтобы казаки ему служили, а не он казакам!

Не хочу вступать в полемику со станичником Ш. Н. по поводу его „мыслей“ — (В. К. № 101 — стр. 18), которые подились и развились вдали от жизни и нашей печальной действительности, а хочу указать на опрометчивость и не основательность его мысли, по скольку эта мысль направлена в мой адрес.

Прежде всего я держался и держусь тех взглядов, что атаманы станиц и Войска должны служить казакам, а не казаки атаманам. Правда, теперь часто случается обратно, когда „законно“ избранный Атаман требует, чтобы казаки служили ему, о чем свидетельствует „работа“ г. Науменка и его штаба. Повнако-

мившись с обстановкой, в которой Ковгану пришлось работать для казаков в Скопле, зная, что для казаков в Скопле сделал Ковган (а не Науменко со штабом), работая 3½ года, вынося на своих плечах всю грязь, клевету, ложные доносы, обвинения и пр., зная в каких условиях существуют в здешних краях эмигрантские организации, благодаря многим причинам местного характера, — станичник Ш. Н. не рискнул бы стать в позу судьи, выносящего безапелляционные приговоры и в данном случае это право я осмиваю. Достаточно красноречива и совсем недвусмысленна „обстановка“, при которой произошли в Скопле выборы 24 V. с. г. Казака „буяна“ — убрали, пьяный же мужик обругал собрание, оскорбил казаков своим безобразным поведением, назвал казаков сволочью и... его не выбросили, а даже выбрали помощником атамана станицы, а г. Науменко незамедлил все скрепить... Несомненно одно, что после столь убедительных фактов, прошедших перед глазами казаков в Скопле, для многих Науменко превратился в русскую шарманку, выкручивающую над казачьими головами „разлуку“...

Я же опять подчеркиваю, что все, что делал — не делал для себя, а для казаков и „желание быть утвержденным свыше“ или „идеологическая неопределенность, политическая неразборчивость или умышленное задабривание „ревизора“? — в мыслях г. Ш. Н. — не по адресу и слишком смелая мысль, т. к. в положении атамана станицы я должен был прежде всего служить казакам и выполнять их желание, а не свое.

В предыдущем изложении я показал фактическую сторону всего происшедшего в Скопле и оставляю казакам на совесть дать свое суждение, а станичнику Ш. Н. рекомендую поближе познакомиться с обстановкой и жизнью казаков на местах расселения, а также и с жизнью Скопльской станицы в прошлом, хотя бы по тому материалу, который помещался на страницах нашего журнала „В. К.“ и только тогда делать, и то с большой осторожностью, выводы, чтобы не попасть... по своим опять! Нельзя же единомышленников превращать в мишень.. на радость врагам!

Казак Як. Ковган.

В К а з а к и и.

По советским газетам.

Судя по Ростовским и Краснодарским газетам за конец мая и начало июня большевицкий сев этой весны в Казачьих Землях провалился. 28 мая в „К. З.“ печатается „постановление“: „Отметить неудовлетворительный ход сева кукурузы и посадки ранних и средних огородных культур в станицах: Пашковской, Елисаветинской и селе Калинино (бывшие Екатеринодарские сады?)“...

Там же: „Решительно покончить с бесхозяйственностью, прогулами, браком!“ — Значит, есть и бесхозяйственность, прогулы и плохая работа.

29 мая в „М.“ все еще приказывают: „До последнего гектара — засеять весь яровой клин!“ Там же свидетельствуют о „явно неудовлетворительном ходе сева и угрозе срыва выполнения плана“... „Победы еще нет, победа должна быть“, „Большевицкую тревогу — в каждую машино-тракторную станцию“.

„Отвести удар от посевного плана!“ „Положить предел работе в слепую“ (значит: на самом деле работают спустя рукава).

29 же мая в „К. З.“: „Время требует форсированных темпов! Все сроки истекли. Сев в пригородных к Краснодару колхозах недопустимо затянулся“...

Интересны и показательны новые „веяния“ в „коммунистическом хозяйстве“. Уже запестрело („К. З.“ 29 мая): „Твердо проводить принципы единоначалия“.

„Рыбному хозяйству — одного хозяина“.

31 мая в „К. З.“: „Мобилизовать все силы на завершение сева!“

1 июня в „М.“ все еще: „Ежедневно засеять 6.000 га!“ „Сорняки глушат посевы Георгиевских колхозов“.

„Земля требует помощи!“ (Бедная земля!).

Судя по „тревоге“, поднятой на страницах „К. З.“ и „М.“, „колхозное хозяйство“ грозит гибелью конскому составу Края. Для характеристики их „способов“ хозяйничанья приведем некоторые выдержки из их же газет.

Из „М.“ от 1 июня: „В станице Чамлыкской... с февраля погибло 150 лошадей. Падеж продолжается. Во второй бригаде колхоза им. Крупской павших от истощения, но еще живых лошадей грызут собаки. В том же колхозе неизвестно куда исчезли 18 лошадей. В колхозе „К новым победам“, в третьей бригаде бригадира Недосугунова одна лошадь восемь дней ходила беспризорной в степи и бригадир даже не знал, что в его бригаде не хватает лошади. Другая лошадь этой бригады утонула в болоте.“

В бригаде бригадира Левченко, колхоза „Красный партизан“, молодая четырехлетняя лошадь погибла от того, что не было присмотра. В колхозе им. второй пятилетки ночью за жеребятами никто не смотрит. В

результате жеребят деруг волки. В том же колхозе украдено шесть лошадей.

Закрепленные за лошадьми колхозники никакой ответственности не несут“...

Из „К. З.“: В колхозе „Червоный Стяг“, ст. Пашковской безобразно дело обстоит с тягловой силой. Колхоз имеет 55 лошадей, которые только недавно распределены по бригадам.

Назначенные конюхи халатно относятся к лошадям, ночью за ними не следят. Имеют место факты, когда лошади, оставленные без присмотра, уходят настолько далеко, что их приходится разыскивать.

Во время ненастной погоды лошади находятся под открытым небом. Еще хуже поставлен уход за молодняком. Особенно плохо в 8-й бригаде, где ответственность за тягло возложена на Черненко, брата сосланного кулака. Черненко вредительски относится к лошадям. Так, недавно здесь одна лошадь загрузила в грязь и ее оставили в таком положении на целый день.

6 штук лошадей в бригаде Черненко в тяжелом состоянии. Бывают случаи, когда он не кормит лошадей в течение целого дня.

Письмо оттуда.

Дорогой братец... здравствуй. Мы живы и здоровы и дай Бог тебе здоровья. Твои журналы, что ты раньше нам присылал, прочитали и передали на хутор красным ребятам. Они шлют тебе привет и просят, чтобы ты еще прислал, а писем тебе они писать не могут, потому что они занимают хорошие должности. Хотя они и коммунисты, но сейчас узнали, что наши казаки заграницей стали вольными казаками. Они говорят так, что проклятая монархическая Россия убивала наших братьев, казаков, и потом, когда были денкиницы, и когда наши атаманы подчинились этим проклятым русским генералам. И вот, дорогой братец, наши казаки не хотят таких атаманов, какие идут с русскими генералами.

Затем журналы, которые были посланы тобою... февраля, то мы получили и читали 12 человек... Сердечно тебя благодарят; знают, что ты идешь за родное, казачье дело и не бойся никого, присылай нам журнал... все об этом просят и вас, вольных казаков, приветствуют, а Богаевского и Мельникова на чем свет стоит ругают и кроют; говорят, что Мельников вовсе и не казак, а Богаевский не жил на Дону, а жил только с москалями и поэтому они стараются уничтожить казаков. Мы каждый вечер собираемся к... и решаем вольно-казачьидела и ты нам присылай только почаше. П. скоро поедет в станицу, где тетя... Там также казаки знают, что ты нам журнал прислал. Твой полчанин был у нас и просил... чтобы он им осветил, что такое журнал „Вольное Казачество“.

У нас новостей много, все писать тебе нет возможности. Ты пишешь, что соскучился по родному куреню, то ты не скучай, у нас куреня нет, мы живем в сарае, где раньше наши барашки жили. Живем мы, братец, скверно, так что не дай Бог никому так жить. А кто если хочет ехать домой, то проси Богом, чтобы не ехал, ибо их убивают, ссылают на принудительные работы, а выручить от русских палачей никто не может. Если лапотники узнают, что мы получаем от тебя

журнал и занимаемся вольно-казачьей пропагандой, то нам не сдобровать. Правда, наши казаки станицы все знают, а также и на хуторе. Но ничего, казакам за казачье дело и умереть не страшно и умрем с улыбкой. Мы тебе будем писать редко, да метко, а ты нам пиши чаще. Привет вольным казакам от широких степей, а кто идет за Россию тот наших страданий не знает. Адрес старый...

Твой брат...

По белу свету.

Последние две недели, истекшие со дня выхода предыдущего номера нашего журнала, ознаменовались рядом крупных событий международного значения. Давно европейское общественное внимание не было в таком напряженном и неопределенном ожидании „чего-то“, как в эти недели.

— Центром внимания являются в данный момент внутрисоветские события в Германии. Уход военного министра, о котором мы говорили в прошлом номере, оказался только началом более крупных событий, исподволь подготовлявшихся. Недавно принужден был подать в отставку и глава правительства, Брюнинг. Новое пр-во составлено с явным преобладанием военных элементов [генералитета]. Генерал фон Папен [глава пр-ва] в Великую войну был видным работником Германской контр-разведки и, как пишут газеты, вдохновителем многих покушений и разрушений на территориях враждебных государств. Военный министр генерал фон Шлейхер является руководителем политической жизни рейхсвера и негласным дирижером многих военно-политических событий в стране.

О возможных последствиях правительственных перемен в Германии много гадают; предполагают и установление военной диктатуры, и приглашение на трон кронпринца, и усиление идеи реванша, и категорическое требование пересмотра мирного договора. Пока же, в качестве первых шагов, новое правительство распустило парламент, в котором оно не имеет большинства. Если принять во внимание, что круги нового правительства близко подходят к партии Гитлера и обе эти группы являются сторонниками решительной политики по вопросу о Польском коридоре и Данциге, с одной стороны, и жизненную заинтересованность, национально-историческую обоснованность Польши на владение частью Померании (по которой пролегает коридор к морю), с другой, то возможность серьезных осложнений не исключена. В то время, как в Германии раздаются воинственные голоса, а Данциг превращен гитлеровцами как бы в военный лагерь, знаменитый пианист Падеревский раз'езжает по Америке и Европе, завоевывающая общественное мнение в пользу своей родины, а правительство Польши, по словам газет, принуждено принимать меры к укреплению своей пристани Гдыни, лежащей рядом с Данцигом. К этому нужно добавить и возможности, вытекающие из Германско-Советского, Польско-Советского и Франко-Польского взаимоотношений.

Существует предположение, что некоторое обострение между Польшей и Германией по вопросу о коридоре вызвано влияниями Советов на Германию в целях предупреждения возможной активности Польши с запада, в случае столкновения Советов с Японией на востоке.

— В результате упомянутой нами в прошлом номере победы левых партий на выборах во Франции, там образовано новое правительство более „левое“, во главе с Эрио. Попытка Эрио сговориться с социалистами и привлечь их к участию в правительстве окончилась неудачей.

Эти правительственные перемены в указанных двух главных государствах Европы ставят перед неопределенностью судьбу будущей Лозанской конференции, созываемой для урегулирования междугосударственных долгов, выработки мер для борьбы с мировым экономическим кризисом и для продолжения переговоров по вопросу о разоружении. Для политического мира Англии и Соединенных Штатов наиболее приемлемым представителем от Германии по этим вопросам в Лозане был бы бывший премьер Брюнинг.

В силу создавшейся в Германии обстановки, пред-

полагают, что позиция Эрио по указанным вопросам на Лозанской конференции мало будет различаться от политики его предшественника Гардье.

— На Дальнем Востоке положение все еще может служить предметом разносторонних гаданий на тему: „будет или не будет Японо-Советская война“. После убийства премьер министра Инукая, в Японии образовалось правительство Саито, против которого не возражали и сторонники активной внешней политики. В Манджурии остатки разбитой армии китайского генерала Ма отступают к Советской границе; японские части их преследуют. В связи с этим и в порядке продолжения прежней подготовки советская власть перекидывает туда все новые и новые части. Очевидно в порядке этой же „подготовки“ Сталин предпринимает и внутренние мероприятия: разрешена частная торговля на базарах и при колхозах, принимаются меры к ликвидации концлагерей (путем массовых расстрелов?), намечен и роспуск из тюрем уголовных преступников.

С другой стороны, миролюбивые заявления некоторых японских представителей в Европе (в Лондоне) и приезд Женевской делегации в Харбин для выяснения причин и условий Японо-Китайского конфликта вносят некоторое успокоение и возможность войны, как будто, уменьшается.

— Убийца Президента Франции Горгулов на одном из последних допросов заявил, что он „сын важиточного крестьянина из Лабинской станицы“. Таким образом, наше предположение о том, что преступник не мог быть казаком, оправдывается. Комиссия психиатров признала Горгулова вполне умственно нормальным, а потому за свое преступление, им совершенное, ответственным. Любопытно, что это заключение комиссии не понравилось самому Горгулову и он обвиняет ее в пристрастности. Суд над Горгуловым предполагается 7 июля. Участник Назаровского десанта из Крыма, казак Лазарев, опознал в Горгулове Ростовского чекиста, в руках которого он был летом 1920 года несколько месяцев; при чем, он опознал его заглазно, по голосу, будучи в другой комнате и немедленно при очной ставке, несмотря на то, что Горгулов по одежде ничем не выделялся из других 7 лиц, его окружавших.

— В Чешской столице Праге, по случаю столетия со дня рождения основателя чешских соколовских дружин Тырша, начинается IX слет соколов. В этом слете принимают участие и другие славянские народы и все чешские колонии в других государствах. Торжества продолжатся целый месяц (до 6 июля). Значение чешских соколов в освободительном движении народа было велико. Соколовские дружины были первыми ячейками чешской национальной армии; не последнюю роль играют они в государственной жизни и сейчас, являясь всегда сторонниками порядка и стражами национальных интересов. Остается пожалеть, что в этом славянском торжестве не участвуют сокола казаки, как представители свободного и самостоятельного народа. Будем верить, что на X всесоколовском слете в Праге соответствующее себе место займут и сокола казаки под знаменем свободного казачьего государства Казаккии.

— На Украине и Северном Кавказе (Казачьих Землях) опять были вспышки восстаний наших измученных большевиками братьев. Кавказ объявлен на военном положении, одна бригада, состоящая из кубанцев, поддержала восставших, за что отправлена на Дальний Восток. Харьков целые сутки был в руках трех тысяч восставших и только прибытие специальных отрядов принудило их уйти. Эти восстания еще раз обращают внимание мира на то, что советская власть в наших землях — оккупация завоевателей, а не национальная власть.

С. Б-в.

Открыта подписка
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Ч. С. Р. по 100 к. ч. за год, а за границу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.